

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок



А. Н. Семёнов

О ЧТЕНИИ, с пристрастием и без...

монография

Ханты-Мансийск
2018

УДК 021
ББК 78.07
С 30

Рецензенты:

Н. В. Ганущак, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета;

О. Г. Ярлыкова, заместитель заведующего Центра сопровождения проектной и инновационной деятельности АУ «Институт развития образования» Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, почётный работник общего образования РФ.

Семёнов А. Н. О чтении, с пристрастием и без...: монография / А. Н. Семёнов; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 150 с.

В монографии рассматриваются вопросы, связанные с состоянием культуры чтения в современном российском обществе, прежде всего в молодёжной среде, и предлагаются конкретные пути преодоления слабого интереса к чтению, формирования устойчивой потребности общения с книгой.

*Рекомендовано к изданию Учёным советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-6042174-9-8

© А. Н. Семёнов, 2018

© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2018

Оглавление

Введение.....	4
1. Как и что читаем мы.....	5
2. Чтение и возможности развития личности.....	17
3. Любовь к чтению или привычка читать?.....	40
4. Внеклассное чтение и воспитание талантливого читателя.	
Программа внеклассного чтения для 9–11 классов	57
4.1. 9 класс («Писатели-читатели о писателях»).....	60
4.2. 10 класс («Сверкающее слово»).....	98
4.3. 11 класс («Памяти запас»).....	143
Заключение.....	148

Введение

В конце XVIII века русский писатель Николай Иванович Новикóв издавал первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789). Есть своя символика в том, что с 1997 года журнал с таким названием снова издаётся в нашей стране.

Уже более двух веков тому назад русский просветитель прозорливо увидел в детском чтении важнейшее средство развития *сердца и разума* формирующегося сознания. В том же XVIII веке, но ещё ранее, поэт А. П. Сумароков утверждал, что чтение открывает двери к искусству жизни и к искусству творить жизнь в музыкальных, красочных, словесных образах. Благодаря чтению человек обретает способность «над горем улыбнуться» и «над счастьем поплакать» (*М. Кузмин*), пройти «талантов тропой» (*Д. Бурлюк*) и попытаться найти среди них свою. Чтение для сердца и разума – это формирование, воспитание культурного зрения, которое предполагает понимание не только прямого смысла – что сказано, но и того, что не досказано, что присутствует в виде намёка, а также видение, понимание того, как сказано.

Такое культурное зрение «не придёт само, если не примем мер», как утверждал ещё В. Маяковский. Поэтому потребность в чтении необходимо формировать, создавать условия для того, чтобы она была устойчивой и постоянной. Отдельные приёмы работы в этом направлении представлены в данной книге. Она является результатом практической деятельности и наблюдений автора, который пришёл к твёрдому убеждению, что сформированная в детстве привычка читать открывает человеку возможность сохранить радость постоянного открытия мира.

1. Как и что читаем мы...

*И двери чтение к искусству отверзает.
Александр Сумароков*

*И день читать, и ночь читать...
Иван Никитин*

*Что мы читаем?
– Данте. – Ариост.
«Значенье звёзд». – «Семь спутников скелета».
Был или нет – у Асмодея – хвост...
Марина Цветаева*

*В волнах лучистого эфира
Читаем летописи мира.
Андрей Белый*

Тенденция в нашей стране и в мире, о чём неумолимо свидетельствует статистика, сводится к тому, что книги с каждым годом читают всё меньше и меньше. Связано это в том числе и с тем, что растёт количество пользователей всемирной сети. В рейтинге международного исследования PISA, включающем 32 страны, школьники России поставлены на 28-е место¹ в области грамотности чтения.

Книга перестала быть, как в середине прошлого века, едва ли не единственным источником информации. Нет ничего трагического в том, что сегодняшний школьник имеет возможность получить её с помощью телевидения, персонального компьютера, сотового телефона и тому подобных достижений IT-технологий. Другое дело, что в связи с высокотехнологичными гаджетами перед привыкшими к ним с самого раннего возраста детьми возникает несколько проблем.

Если отметить только самые важные, то, во-первых, это проблема процесса формирования его мировоззрения, расширения кругозора. Во-вторых, проблема адекватного восприятия текстовой информации, овладения

¹ При всём том, что результаты исследования PISA у автора вызывают вполне обоснованную долю недоверия, однако сейчас не об этом.

грамматическими и лексическими нормами. И, в-третьих, проблема достоверности информации, которую современный ребёнок может найти, к примеру, во всемирной паутине. Эпоху внедрения IT-технологий, развития Интернета иногда называют эпохой *взрыва информации*, однако не вызывает сомнения и то, что эту эпоху вполне справедливо определять как эпоху *взрыва дезинформации*.

Решение отмеченных выше и других проблем лежит, как представляется, в грамотном сочетании достижений современной компьютерной техники и традиций обращения к книге, как к более достоверному источнику информации, хотя и в связи с книгой вопрос о достоверности информации не всегда, как известно, однозначен. Другое дело, что достижение такого сочетания осложняется теми тенденциями, которые сложились в нашей современности, и доминирующая среди них – снижение статуса чтения.

Проявляется эта тенденция в первую очередь в том, что удручающе значительное число россиян либо не читают вообще, либо это чтение носит эпизодически случайный характер. В своё время (1991) казалась трагической цифра в 79 % – столько было жителей России, которые читали хотя бы одну книгу в год, а в 2005 году эта цифра составила 63 %. Значит, *нечитающих* ни одной книги в течение целого года было 21 %, а стало 37 %. К 2017 году таковых стало почти 45 %. Ещё немного, и они станут большинством! Если говорить о *нечитающей* молодёжи, то здесь картина ещё более мрачная. В 1991 году систематически читающая молодёжь определялась 48 %, а в 2005 году таковых, можно сказать, осталось только 28 % [Общественное мнение – 2009. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. 252 с.].

Ещё одним показателем снижения статуса чтения является почти утраченная в российском обществе традиция семейного чтения, энергичные попытки её не столько сохранения, сколько уже возрождения, дают пока незначительные результаты. А статистика свидетельствует о том, что в 70-е годы прошлого века более 80 % семей знали, что такое домашнее чтение,

а к 2017 году доля таковых определяется всего 7 % [Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с.].

Ещё один фактор проявления тенденции выражается в том, что резко упал интерес россиян к печатной прессе. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 1991 году 61 % россиян ежедневно читали газеты, к 2005-му году таковых было уже только 24 %, к концу 2017 года количество читающих ежедневно газеты сократилось до 19 % [Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с.].

Хотя относительно отрицательного характера данного явления у автора есть сомнения. Конечно, бессмысленно спорить со словами Владимира Маяковского, который в 1927 году в стихотворении, посвящённом газете «Комсомольская правда», дал характеристику советской прессы, ставшую хрестоматийно крылатой:

Газета —
это
не чтение от скуки;
газетой
с республики
грязь скребёте;
газета —
наши глаза
и руки,
помощь
ежедневная
в ежедневной работе. [1, 175–176]

Ценность печати для поэта – в готовности и умении ставить на своих страницах «вопросы и трудные, и весёлые, и скользкие, и в дни труда, и в дни парадов».

Однако современный читатель всё больше склоняется к тому, что читающие газету – это люди «со своей экземой», у которых «жвачный тик», поэтому

Жеватели мастик,
Читатели газет.

Цветаева написала эти строки в своё время о «буржуазной» прессе как результат наблюдения, о чём пишут, что узнают парижане из газет:

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат... [3, 448–449]

В 90-е годы периодическая печать, в первую очередь газетная, сделала очень много для того, чтобы её продукт, её контент воспринимался именно так, как пишет поэтесса.

Расширившиеся в своё время практически до «без границ» издательские возможности, что само по себе положительно, способствовали тому, что на книжный рынок хлынул поток низкопробного чтива, этакой серости в красочных обложках. Последнее привело к резкому снижению массового читательского вкуса, распространению невзыскательности предпочтений в выборе не только художественной, но профессиональной книги. И связано это с тем, что одной из определяющих тенденций издательской политики стал поворот значительной части издателей в сторону выпуска сугубо развлекательной литературы, не требующей особых интеллектуальных способностей, а потому их и не развивающей.

С другой стороны, такая развлекательно-сниженная книжная продукция размывает традиционные для русской и европейской классической литературы ценностные ориентиры.

Сделанные выше, а также другие выводы являются в том числе и результатом проведённого в Югре в 2015/2016 учебном году мониторинга «Чтение школьников Югры в реальной и электронной среде». Целью

мониторинга, проведённого научно-исследовательским отделом социального развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО – Югры, было изучение/анализ проблемы чтения обучающихся в средних общеобразовательных учреждениях ХМАО – Югры [«Вестник угроведения». 2018. Т. 8, № 3. С. 586–595]. В мониторинге были задействованы учащиеся Нефтеюганского и Октябрьского районов, городов Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Мегион, Когалым, Нягань и Лангепас.

Всего в опросе участвовало 850 учащихся 5–11 классов.

Ответы учащихся на поставленные перед ними вопросы выявили такую картину.

Предпочтения опрашиваемых при ответе на вопрос *«Чем ты больше всего любишь заниматься?»* распределились таким образом:

- 45 % – заниматься спортом;
- 40 % – читать книги;
- 48 % – проводить время в Интернете;
- ≈ 30 % – играть в компьютерные игры.

Смеем предположить, что последняя цифра значительно выше в силу того, что не все учащиеся (даже анонимно) готовы признаться в своём увлечении компьютерными играми.

Но, даже согласившись со справедливостью цифры, свидетельствующей о любви к игре в компьютерные игры, мы имеем вполне конкретную картину. И эта картина настораживает (конечно, один и тот же ученик мог дать несколько ответов, но сути проблемы это не меняет).

Из тех, кто в свободное время предпочитает читать книги (40%):

- ≈ 24 % ответили, что им нравится читать;
- 24 % читают только «то, что необходимо для учёбы»;
- < 40 % ответили, что любят читать, но времени не хватает;
- < 6 % считают чтение скучным и никому не нужным занятием.

По следующему показателю выяснено, что среди опрошенных:

- 55 % любят ходить в библиотеку;
- 44 % не любят ходить.

Все, участвующие в мониторинге, отметили, что в их семьях есть домашние библиотеки. Приблизительно 40 % указали на библиотеки как большие. Однако большинство отвечавших признались, что в их библиотеках до 50 книг. 32,5 % обучающихся скачивают книги в Интернете.

Предстала интересная картина вкусов респондентов, и картина эта отличается разнообразием:

- 46 % предпочитают фантастику;
- 35 % на первое место поставили путешествия и приключенческую литературу;
- 36,6 % любят читать стихи;
- 31,4 % предпочитают сказки (5–11 классы!);
- 25,7 % увлекаются книгами о жизни замечательных людей, космосе, сверстниках, дружбе, о современной жизни;
- 12 % постоянно обращаются к русской классике;
- 13 % находят своё чтение в классике зарубежной.

Несмотря на то, что чтение не входит в круг любимых занятий большинства школьников, 45 % из них утверждают, что литература является для них одним из любимых предметов.

Проведённый мониторинг позволил выяснить, что 62 % опрошенных отдают предпочтение традиционной бумажной книге. Электронная книга в приоритете у 25,3 %, аудиокнига – у 6,9 % анкетированных.

Выяснение вопроса о том, в чём смысл чтения как такового, позволило увидеть такую картину:

- 61,8 % считают, что чтение расширяет кругозор человека;
- 33,9 % опрошенных полагают, что чтение помогает в учёбе;
- 31,9 % понимают чтение в качестве средства, способа проведения времени с пользой;

– 29,9 % используют чтение в качестве помощи при подготовке к экзаменам.

Результаты чтения становятся предметом обсуждения практически для всех, кто участвовал в опросе. Приоритеты в выборе участников обсуждения распределились так:

- 48,9 % предпочитают обсуждать прочитанное с друзьями;
- 31,3 % делают это с родителями;
- 13,1 % обсуждают результаты чтения с учителями.

Не имеют опыта и необходимости обсуждать прочитанное с кем-либо 28,2 % опрошиваемых.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что информацию о литературных новинках школьники получают преимущественно из двух источников:

- Интернет – 49,3 %;
- друзья и знакомые – 35,6 %.

Эти показатели в сочетании с приведённым выше процентом обсуждающих результаты чтения с учителями заставляют задуматься над тем, какова роль школы, школьного учителя в становлении читательской культуры, в формировании постоянной потребности в чтении. Эти показатели, наряду со всеми приведёнными и теми, которые будут представлены ниже, должны в первую очередь заинтересовать школьных учителей, стать для них руководством к действию в организации чтения, в формировании потребности и навыка систематического чтения.

Одним из ключевых вопросов мониторинга было выяснение того, насколько школьники знакомы с творчеством югорских авторов. Как оказалось, знакомство это находится на самом низком уровне. Только 14,2 % смогли назвать имя того или иного поэта или прозаика. Около 10 % опрошиваемых назвали имена представителей русской классической литературы, 24,7 % признались, что вообще не знают югорских авторов, а 51,9 % оставили вопрос без ответа.

Самыми известными среди опрошенных оказались писатели Еремей Айпин (1,2 %) и Анна Конькова (1,1 %), хотя определение «известные» при таком процентном показателе звучит более чем сомнительно.

В опросе школьников и учителей, проведённом в марте – мае 2017 года, респондентами выступили учащиеся 5–11 классов (300 школьников) из числа КМНС Белоярского, Берёзовского, Кондинского и Октябрьского районов Югры. Ключевые вопросы исследования и результаты ответов на них выглядят так:

Результаты ответов на вопрос *«Чем ты больше всего любишь заниматься?»* выявили такую картину:

- 51,7 % школьников любят заниматься спортом;
- 48,7 % опрошенных любят проводить время в Интернете;
- 41,7 % предпочитают смотреть телевизор;
- 29,3 % читают книги;
- 22,7 % играют в компьютерные игры.

Сравнение полученных результатов с теми, которые зафиксированы при проведении мониторинга 2015/2016 учебного года, показывает, что особо принципиальных отличий нет:

- компьютерные игры и Интернет занимают основное время школьников;

- не хватает времени на чтение, поэтому при наличии такового готовы читать 40,3 % опрошиваемых;

- много читает (как они сами считают) 16,8 %;

- 6 % опрошиваемых считают, что это скучное занятие и сегодня никому не нужное;

- 75 % школьников имеют менее 50 книг в домашней библиотеке;

- 47 % опрошиваемых более всего склонны читать новости в Интернете;

- 37,3 % тратят время на чтение записей в сообществах;

- 34 % предпочитают юмористические страницы в Интернете.

Литературные предпочтения также во многом совпадают с результатами анкетирования 2015/2016 года. Эти предпочтения в среде школьников из числа КМНС складываются в такую картину:

- 53,7 % любят читать фантастику;
- 34,0 % более всего интересуются рассказами о путешествиях и приключениях;
- 33,3 % предпочитают лирическую поэзию;
- 25,0 % привлекает детективная литература;
- 24,3 % увлекаются чтением литературы о спорте;
- 23,7 % читают литературу о войне;
- 22,7 % предпочитают чтение технической литературы;
- 21,7 % отдают своё время чтению литературы о природе и животных;
- 21,7 % любят читать книги о современной жизни;
- 18,7 % более всего интересуются сказками;
- 14,7 % читают литературу о космосе;
- 14,7 % интересуются литературой о сверстниках и дружбе;
- 12,3 % чаще всего обращаются к русской классике.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что более половины опрошенных школьников из числа КМНС отдают предпочтение чтению книг. И нет ничего страшного, а тем более предосудительного в том, что значительная часть читаемого может быть определена как литература для развлечения. Уже само наличие навыка обращения к чтению книг в достаточной степени гарантирует в будущем переход к более серьёзной, требующей более вдумчивого, внимательного, аналитического чтения.

Ответы на вопрос о том, чем для учащихся является чтение, дают такую картину:

- 28,3 % опрошенных считают, что чтение для них – это процесс получения удовольствия;
- 19,3 % учащихся понимают чтение как необходимость, связанную с получением образования;

- 13,7 % видят в чтении свою обязанность;
- 7,7 % понимают чтение как наказание.

Выяснилось, что 60 % опрошенных отдают предпочтение традиционной бумажной книге. Электронная книга в приоритете у 30,0 %, аудиокнига – у 12,0 % анкетированных.

Ответы школьников на вопрос *«Почему так важно читать?»* дают такую картину:

- 65,3 % считают, что чтение расширяет кругозор человека;
- 36,7 % утверждают, что чтение помогает в учёбе;
- 35 % видят в чтении помощника при подготовке к экзаменам;
- 29,9 % понимают чтение как хороший способ провести время с пользой;
- 49,7 % уверены в том, что чтение помогает стать образованным человеком.

Выяснение вопроса о том, с кем школьники обсуждают прочитанное, даёт результаты, аналогичные полученным при проведении мониторинга 2015/2016 года:

- 43 % обсуждают прочитанное в основном с друзьями;
- 29 % занимаются обсуждением результатов чтения с родителями;
- 13 % прибегают к обсуждению чтения с учителями;
- 33,8 % ни с кем не обсуждают.

Видимо, низкий показатель тех, кто обсуждает прочитанное с учителями, и результаты ответа на вопрос *«Как ты относишься к уроку литературы?»* напрямую связаны, потому что 18,2 % признались, что им на уроке литературы скучно. Хотя необходимо отметить и то, что 54 % опрошенных считают литературу своим любимым предметом.

Перечень литературных произведений, составленный по ответам школьников на вопрос о последней на момент исследования прочитанной книге, довольно обширен и включает 62 наименования. Наиболее часто встречаются в ответах:

- «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова (7,3 %),
- «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (2,7 %),
- «Маленький принц» А. Экзюпери (1,7 %),
- «Алые паруса» А. Грина (1,5 %),
- «Мёртвые души» Н. В. Гоголя и «Собачье сердце» М. А. Булгакова (по 1,3 %).

Как и следовало ожидать, большинство книг, прочитанных респондентами на момент исследования, – это школьная программа.

Анализ результатов анкетирования свидетельствует о том, что школьники из числа КМНС знакомы с творчеством югорских поэтов и прозаиков. При этом 60,3 % респондентов смогли назвать имя того или иного писателя. В то же время почти 40 % ответили, что не знают югорских авторов.

Опрос показал, что среди читателей-школьников из числа КМНС наиболее популярны следующие авторы: Ю. Шесталов (18,3 %), М. Вагатова (13,3 %), Е. Айпин (11,02 %), А. Тарханов (10,0 %), А. Конькова (7,0 %), М. Шульгин (6,7 %), Ю. Вэлла (4,7 %), Г. Лазарев (4,0 %), Р. Ругин (2,7 %) и В. Волдин (2,3 %).

Заниматься чтением подрастающего поколения, воспитанием навыка и потребности в систематическом чтении нельзя без учёта приведённых данных, без учёта того, что предпочитает читать современный школьник, как и с кем он готов обсуждать результаты чтения, в чём вообще он видит смысл и необходимость чтения как такового.

И заниматься этой проблемой необходимо целенаправленно, продуманно и интенсивно, чтобы новые поколения наших соотечественников не оказались (а такие предпосылки, увы, уже есть) в положении некрасовских крестьян из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». На предложение «дворового седенького», заметившего их «любопытность», купить книгу они отказываются, не сумев одолеть даже её заглавия, и просят дворового самому её почитать. И слышат от последнего слова укора:

<...> – А тоже грамотеями
Считаетесь!.. – с досадою
Дворовый прошипел. –
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!.. [2, 420]

В этих словах сегодня слышится весьма трагическое предупреждение о том, что при нынешних тенденциях в отношении к чтению, если не всё, то значительная часть нового молодого поколения (или поколений) может прийти до чтения только торговых вывесок, объявлений и ценников в магазинах... А для этого недостаточно только развитой техники чтения, которая сама по себе ещё очень мало значит, хотя с неё и начинается настоящее чтение. Последнее предполагает, что чтение книги есть процесс умственного, нравственного и эстетического развития. Только понимание *чтения*, в котором слово для читателя становится частью открываемого мира, динамичного, красочного, мелодичного, по-настоящему имеет смысл и может считаться синонимом *развития*.

Литература

1. Маяковский В. В. Комсомольская правда / Маяковский В. В. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1958. С. 175–176.
2. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Некрасов Н. А. Избр. соч. М.: Худож. лит., 1989. 591 с.
3. Цветаева М. И. Читатели газет / Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1990. С. 448–449.
4. Общественное мнение – 2009. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. 252 с.
5. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. С. 155–157.
6. «Вестник угроведения». 2018. № 3. С. 586–595.

2. Чтение и возможности развития личности

*Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно
и повсеместно.
А. С. Пушкин*

*Если пар и железные дороги уничтожили расстояние,
то книгопечатание уничтожило время:
благодаря ему мы все – современники.
Я беседую с Гомером и Цицероном,
а Гомеры и Цицероны будущего будут беседовать с нами.
А. Ламартин*

*Чтение как источник духовного обогащения
не сводится к умению читать;
этим умением оно только начинается.
Ребёнок может читать бегло,
безошибочно, но книга – это часто бывает –
не стала для него той тропинкой, которая ведёт к вершине
умственного, нравственного и эстетического развития...
Только тот ученик «читает»,
в сознании которого слово
играет, трепещет, переливается красками
и мелодиями окружающего мира.
В. А. Сухомлинский*

Слова А. С. Пушкина указывают на то, что книга по возможностям действия, в отличие от действий человека, не имеет границ во времени («множественно»), ни в пространстве («повсеместно»), то есть книга является самым непосредственным образом средством общения человека с вечностью, она обладает способностью преодолевать пространство и время.

Человек, имеющий привычку читать, всегда найдёт собеседника по себе в любой эпохе – Гомера или Цицерона, самого Альфонса де Ламартина...

И такое общение оказывается не просто интересным, а необходимым. Потому что именно в эпоху бурного развития коммуникационных систем, различного типа IT-технологий, способствующих расширению возможностей общения, как это ни парадоксально, человек всё чаще оказывается одиноким

на работе и дома, в различных сетях и порталах. А собеседник, приходящий к нам посредством чтения, имеет все возможности спасти от одиночества.

Кто-то привык чаще беседовать с Фенимором Купером или Жюлем Верном, кто-то с Фёдором Достоевским или Владимиром Набоковым, кто-то с Юваном Шесталовым или Расулом Гамзатовым. Беседа с последним, к примеру, может прояснить, дополнить наши представления о том, что такое книга благодаря двустишиям, жанр которых поэт определял как «надписи на книгах»:

Страница здесь похожа на окно:

Открывшему увидеть мир дано.

* * *

Она покажет мир тебе,

Расскажет о его судьбе.

* * *

Увидеть можем мы лишь на страницах книг

И осень, и весну в один и тот же миг [9, 513–514].

Пер. Н. Гребнева

Всего три двустишия, но в них уже есть то, что открывается человеку, умеющему читать книги.

Во-первых, это окно в другой мир, в другую реальность, в которой действуют свои законы, в которой обязательно встретятся люди, собеседники, не всегда встречаемые в реальной действительности.

Во-вторых, несмотря на то, что книга открывает «окно» в другую реальность, последняя служит тому, чтобы раскрывать, прояснять и даже намечать, планировать судьбу мира, в котором читатель живёт.

И, в-третьих, чтение книг (Р. Гамзатов возвращает нас к мысли эпитафии из А. С. Пушкина) является одним из самых увлекательных средств преодоления ограниченности времени (и, разумеется, пространства) – читающий имеет возможность стать современником и собеседником и авторов, и героев любой эпохи, любой исторической или культурной

цивилизации. А. И. Герцен видел в этом едва ли не самое важное значение того, зачем человек читает книги, замечая, что книга – «это духовное завещание одного поколения другим».

В лирическом пространстве стихотворения Михаила Светлова «Книга» (1925) возникает и её обратная связь с человеком:

Безмолвствует чёрный обхват переплёта,
Страницы тесней обнялись в корешке,
И книга недвижна. Но книге охота
Прильнуть к человеческой тёплой руке <...> [20, 134]

Лирический герой Андрея Тарханова настолько влюблён в чтение, настолько уверовал в его способность воздействия, внушения, что, двигаясь «пушкинской дорогой из Феодосии в Гурзуф», не просто вызывает из прапамяти то, как в этих местах молодой Пушкин «читал вселенной песни – свои волшебные стихи», но и то, как реагировала на это чтение природа:

<...> И море приутихло странно,
Поголубели небеса.
И скифы – розовые камни –
Открыли слёзные глаза.
Они на миг глаза открыли
При свете огненных вершин.
Те слёзы навсегда застыли
В канавах каменных морщин... [24, 211]

Великолепный образец понимания чтения, отношения к нему можно найти в повести Оксаны Динисламовой «Диалог поколений: мама с дочкой», написанной в соавторстве со Светланой Динисламовой (глава «Любовь к труду и чтению»): «<...> Всё, мама, извини, я буду читать! И ты спокойно

продолжала чтение, а я в очередной раз испытывала шок-удивление: и от твоей категоричности и грубоватости, и твоего непонимания прелести собирания ягод, и твоего пристрастия к чтению. Многому до сих пор удивляюсь. Ты молодец, что много читала в детстве. Про Чехова и Бунина – молчу, но чтобы с пяти лет читать Эдуарда Тополя? Интересно, сколько раз ты перечитывала Чехова? Помнишь первое знакомство с ним: тебе три годика, я читаю тебе “Каштанку”, объявляю: “Автор – Антон Павлович Чехов!” Ты: “Мама, а он сам книжку эту принёс?..” Ты молодец и в том, что читаешь мансийскую газету. А с чего всё начиналось, помнишь? Да, со страшилок. Пусть меня простят учёные-манси, но раз есть такой жанр в фольклоре, почему бы не называть их так. У тёти Вали в национальной газете был цикл изданий “Пилыщма потыр” (Устрашающие рассказы), вот с них ты и начала чтение. Слушай, а ведь и вправду захватывает! – Ещё как! Я читала у тёти Вали и слышала от бабушки и дедушки захватывающие и леденящие кровь истории, которые, казалось бы, не могут иметь место в природе, но они произошли с дедом, поэтому моё верю – не верю как-то даже и неуместно...» [10, 84].

Эпизод примечателен тем, что в аспекте стоящей сегодня перед нашим обществом проблемы заставляет задуматься над тем, как определять (определить), «с чего всё» должно начинаться, если мы хотим растить читающие поколения. Были ведь какие-то условия, при которых героиня повести имела возможность начинать с «леденящих кровь историй» – «устрашающих рассказов», с пяти лет читать Эдуарда Тополя, и всё-таки увлечься Буниным и Чеховым?

Словно бы отвечая на поставленные выше и другие, не менее важные вопросы, Вахрушева Матрёна Панкратьевна в автобиографической повести «На берегу Малой Юконды» вспоминает собственный опыт: «<...> На уроках я старалась привить им любовь к своему родному языку и к языку нашего старшего брата – великого русского народа. Через родной язык раскрывала перед ними тяжёлое прошлое мансийского народа, его радостную, хотя и суровую жизнь в наши дни, когда советский народ в

ожесточённой борьбе отстаивал свободу и независимость своей Родины. Мы читали и пересказывали сказки о замечательном герое мансийского народа Эква-пыгрисе, и его образ, достойный подражания, воспитывал в моих учениках высокие моральные качества – любовь и беззаветную преданность народу, Родине. В библиотеке педучилища, кроме сказок про Эква-пыгриса, была ещё одна любимая всеми книжка – “Сказка о рыбаке и рыбке” А. С. Пушкина, переведённая на мансийский язык. Эту сказку мы читали по ролям, и у моих учеников появилось желание инсценировать её...» [7, 35].

Одно из самых неожиданных пониманий того, что такое чтение, встречается в стихотворении Леонида Мартынова:

Есть книги –
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они! [15, 483]

Есть смысл не только начинающим (будущим!), но и уже состоявшимся читателям подумать над тем, встречались ли в их жизни книги, которые «нас читают». Какие книги вообще могут заниматься таким «чтением». Настоящее читательское счастье заключается в том, чтобы такие книги в жизни человека были, чтобы в своё время он эти книги нашёл, как, к примеру, лирический герой «Баллады о борьбе» Владимира Высоцкого. Он уверен в том, что это принципиально важно, чтобы «нужные книги ты в детстве читал» [8, 135]. Не такие ли, «читающие нас» книги искал и нашёл-таки писатель Михаил Пришвин, книги, которые стали для него «вечными спутниками»: «Много я книг перечитал, прежде чем выбрал из них себе в вечные спутники десять мудрецов и, перечитывая их во множестве раз, приобрёл священное уважение к слову» [18, 147].

Имеющий привычку читать, а тем более выбравший себе в жизненные, вечные (!) спутники какое-то количество мудрецов, вне сомнения, будет с уважением относиться к слову, будет способствовать тому, чтобы родное слово не осквернялось и продолжало свою жизнь, продолжало развиваться в культуре своего народа.

Об этой радости чтения, о том, как чтение позволяет гармонизировать отношения с окружающим миром, необходимо говорить с подрастающими поколениями с самых малых лет, как это делает поэт Андрей Тарханов:

<...> И на галечник с обрыва
Спрыгнул Мишка торопливо.
Тотчас градом голышей
Разогнал он всех стрижей.
Чайки в дали улетели,
Рыбки скрылись, присмирели.
Только волны разыгрались
И над Мишкою смеялись,
Ведь остался он один,
Этот шумный господин...
Скучно сразу стало Мишке.
Чем заняться? С кем играть?
Почитать ему бы книжку –
Не умеет он читать... [25, 293].

И стихи Виктории Молдановой в сказочном сюжете могут лишний раз напомнить о радости чтения, о том, как можно увлечься чтением:

Живут в одной квартире
Двое задорных зайчат.
Второй – самый милый,

А первый любит читать.
Книжку за книжкой читает зайчонок,
Он может читать до утра.
Утро наступит, он книгу спросонок
Уже прочитал до конца... [16, 310–311].

Для лирического героя Матвея Новьюхова собственная начитанность в русской поэзии является не просто одним из условий, благодаря которому «у хантыйского народа появился свой поэт», но ещё и обоснованием уверенности в том, что и его имя когда-то встанет «со славой... в поэтический парад»:

<...> И скажу я Исаковским,
Долматовским и Твардовским
и ещё кому-нибудь:
«Потеснитесь-ка чуть-чуть!
Я читал творенья ваши
о Москве, о целине,
о борщах, о пшённой каше,
Это всё, конечно, шутки,
скородумки, прибаутки;
обижаться вам не след.
Здесь, под мирным небосводом,
у хантыйского народа [17, 405–406].

Героини романа Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...» демонстрируют разное, но в любом случае уважительное отношение к чтению, к самой способности читать:

« – Тётки, поди, колотят тебя? Манюня-то вовсе медведица, – хитро прищурилась Апрасинья и крепко затянулась табаком. – Вот у Федоры изо рта клык торчит. Не кусает?

– Да нет, сим нэ! Да кабы она не любила, разве учила бы грамоте? Читать меня тётушка Федора научила. И писать, – с гордостью ответила девушка. – Грамоту знаю.

– Пи-са-ать... чи-та-ать... – дотронулось до Апрасиньи, отпечталось в сознании, хотя она до конца не поняла, что это такое “читать”... “писать”. Видела она в церкви, как дьячок скрипел гусиным пером по белому, белее бересты, листку, рисовал какие-то странные, запутанные узоры. Каждая чёрточка не похожа на другую, цеплялась за третью и ложилась, оставляя кружевную цепочку следов. Видела она в церкви на полотне громадные, в человеческий рост, рисунки и так просто на стене узорную вязь или чёткий, словно вырезанная тамга, оттиск, видела она таинственные знаки у волостного, что приезжал в Евру, когда проводил перепись и назначал ясак.

– Гра-мо-та, – отдельно проговорила Апрасинья, – что такое гра-мо-та? Давно я хочу знать, нужно... ой, как мне нужно... и Ондрэ Хотанг про то говорил...

Рассмеялась Околь, рассыпала по комнате светлый, лёгкий смех, забежала в горницу и вынесла оттуда тяжёлую книгу, одетую в чёрную старинную рубаху с серебряными застёжками.

– Библия, – сказала Околь и осторожно положила на стол древнюю книгу...» [19, 309].

И самосознание главной героини в значительной степени формируется благодаря чтению книг, пусть их было пока не так много: «<...> Но чего Околь хотела? Чего бы она желала? Она искала в себе, пыталась найти, но то неуловимо ускользало, ведь она хотела сделать в жизни что-то сама, пусть крохотное, но своё, и теперь она не сможет. За неё уже всё решено. Немного она прочитала книг, да и то божественных, но из них, а также от проезжих людей, что мир населён разными народами, что человек рождается в уготованной судьбе, и та даётся ему свыше, и что всем миром владеет божья воля – могучая, но справедливая» [19, 327].

Герой рассказа Ювана Шесталова «Мой новый дом», рано потерявший мать, обрёл свою семью в школе-интернате и ощутил радость жизни, нашёл свою дорогу в ней, в том числе и потому, что его научили читать:

<...> Злобный ветер меня чуть со света не снёс.

Хищной пастью меня чуть не слопал мороз.

Как чудовище Мэнкв, с рослый кедр высотой,

Снежный вихрь просвистел над моей головой...

Ослепили мой ум коротышки-божки.

Может, идолов этих принять мне в дружки?

Но от них голова тяжелеет, звеня.

И в глазах, как метель, хороводит земля.

Где дорога моя? Я умею стрелять.

Но ни пулей, ни стрелами Мэнква не взять.

И как встарь, Танварп-эква пугает детей...

И тогда на извилистой тропке моей

Встала русская женщина, молвив:

«Пойдём!

Я сама позабочусь о счастье твоём».

Мне сердечное слово шепнула, как мать,

Повела меня в школу, где учат читать.

Повела меня в школу, где учат читать.

Где метлой прогоняют из детских умов

Коротышек-божков и лесных колдунов.

И набрал я весеннего воздуха в грудь.

И увидел я счастье и выбрал свой путь [30, 459].

Умение читать, обретённое в школе, оказывается одним из условий и выбора жизненного пути, и обретения счастья на этом пути. И повтор строки о том, что в школе «учат читать», не выступает в данном случае только как

деталь ритмического рисунка – через него подчёркивается самая важная функция нового дома – школы-интерната. Не случайно одна из плодотворных идей понимания сущности литературы, её места и роли в жизни человека заключается в том, что она является одним из существенных средств, путей гармонизации отношений человека с окружающим миром, установления гармоничных связей между людьми.

И в рассказе «Школа – светлый праздник» герой понял, что учительница ему совсем не чужая, хоть она не могла заменить мать, во многом благодаря тому, что именно через учителя он понял, что такое чтение, в чём его радость для развивающегося сознания: «<...> Но потом я стал замечать: учительница не такая уж мне чужая. Она была по-своему доброй и тоже стала меня понимать. Конечно, она не могла, как мама, с утра и до ночи тянуть невод, ловить настоящих живых рыб. Зато умела другое. Научила меня читать. И книги были интересными не только своими картинками. Буквы, собираясь в строчки, как стадо оленей по горной тропе, шли и шли, спускаясь от одной мысли, поднимаясь к другой. Прочитаешь страницу – будто тропу пройдёшь, вторую прочитаешь – на незнакомую высоту поднимешься, а книжку прочтёшь – в волшебной стране побываешь, все её дороги и тропинки изведаете...» [31, 474].

В этом эпизоде читателя буквально зачаровывает сравнение книжных строк со стадом оленей, идущих по горной тропе от одной мысли к другой, поднимающих сознание «на незнакомую высоту». В этом кроются и своеобразие мировидения большого поэта Ювана Шесталова, и причины его необычайной популярности среди читателей разных национальностей, разных традиций и культур – он умеет вести читателя «от одной мысли, поднимаясь к другой», поднимать его «на незнакомую высоту», привести «в волшебную страну», чтобы читатель изведет «её дороги и тропинки».

Герой Шесталова ощутил радость общения не только с живой природой, которая воспитывалась с первых дней жизни, но и от общения с природой искусственной, сотворённой, природой, запечатлённой в слове:

«<...> Хорошо было мне в окружении рыб, птиц, таёжных зверей, но почему-то книжки становились всё интересней и интересней. Они будто колдуны. Зачаровывают. Сидишь и смотришь в бумагу. И не желаешь бегать так много, как раньше» [31, 474].

Интересную версию пользы и даже необходимости чтения встречаем в романе Еремея Даниловича Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Размышляя о причинах произошедшего с его страной, с его домом, Белый приходит к выводу: «Как-то тихим вечером он вспомнил про свой погибший дом. “<...> Я долго и много размышлял о кончине моей страны... И мне пришла мысль, что в этом вины моей намного больше, чем я полагал. Ведь в разорении моего дома, моего имения есть большая доля и моей вины. Жгли мои книги и картины, грабили мой дом и мои конюшни, мои амбары и сады русские люди, которые не умели читать и писать, не могли понять назначения картин и скульптур, парков и фонтанов. Если бы они могли читать и писать, они не стали бы жечь книги Пушкина и Толстого, не стали бы разрезать холсты Верещагина и Кипренского, не стали бы отбивать на грузила конечности скульптурам Фальконе и Опекушина, не стали бы насекать капусту на иконах Рублёва. Я мог бы обучить их грамоте, позаботиться об их пище, одежде и кровле. Но, однако, я заботился только о своих детях, о своих родных и близких, чтобы они учились, чтобы были сыты и одеты-обуты, а над головой имели крышу...”» [3, 111].

По версии героя Еремея Айпина, умение читать является одним из условий того, чтобы уберечься от дикости разорения и уничтожения материальных и культурных ценностей, от бунта, как известно, в наших условиях «бессмысленного и беспощадного».

Люди разных культурных эпох и народов, принадлежащие разным сферам деятельности, отмечали принципиально важное качество, сформулированное, к примеру, педагогом В. А. Сухомлинским так: «Чтение – это один из истоков мышления и умственного развития». Исходя из этого, признаётся учёный, «я поставил перед собой задачу учить такому чтению,

чтобы ребёнок, читая, думал. Чтение должно стать для ребёнка очень тонким инструментом овладения знаниями и вместе с тем источником богатой духовной жизни...» [22, 101].

Пути достижения поставленной педагогом задачи обстоятельно представлены и в трудах самого В. А. Сухомлинского, и у других учёных, к примеру, в «Письмах о добром и прекрасном», обращённых к школьникам, академика Д. С. Лихачёва: «Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего» [12, 134].

Эффективному чтению необходимо учить, необходимо обратиться к методикам приобщения к чтению, которые позволяют заинтересовать и результатами его, и самим процессом. Вопрос является принципиально важным для подрастающего поколения, к которому обращался академик Д. С. Лихачёв. В тех же «Письмах о добром и прекрасном»: «Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все – она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь» [12, 134].

Сама постановка проблемы уже может служить делу приобщения к чтению, если обратиться к начинающим читателям – к примеру, учащимся с вопросом о том, для чего ещё, кроме «школьных ответов» и «моды», необходимо читать? Небесполезно для них будет подумать и над тем, в чём смысл неторопливого чтения, «с интересом», к которому призывал учёный.

В документальной повести Марианны Басиной «Жизнь Достоевского. Сквозь сумрак белых ночей» есть эпизод, рассказывающий о пребывании узника Фёдора Михайловича Достоевского в камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости: «...Единственно, что успокаивало его, что помогало перебить, как он говорил, свои напряжённые думы чужими мыслями, – это чтение. Михаил прислал ему драмы Шекспира в русском переводе, свежие тома “Отечественных записок”. Великого англичанина он перечитывал не торопясь, а журналы поглощал с жадностью, прочитывал от доски до доски. Особенно понравились ему роман Шарлотты Бронте “Джен

Эйр», перевод которого шёл из номера в номер, и историческое исследование о завоевании Перу испанцами...» [4, 215].

А Нина Чернышевская в «Повести о Чернышевском» рассказала о том, как её дед читал книги учащимся: «Первый урок пролетел незаметно для учеников. Каждая из дальнейших встреч с учителем в классе захватывала их сердца неожиданной радостью духовного роста. То придёт Николай Гаврилович с такой новой, неизвестной книгой, как “Ревизор” Гоголя, и всю эту книгу в лицах прочитает: ученики как в театре сидят. То такое стихотворение Пушкина найдёт, после которого призадуматься: просто ли это “Пир Петра Великого”, и просто ли царь “с подданными мирится” после победы над шведами, или о ком-то ещё нужно вспомнить царю, кто томится в далёкой Сибири. Как незаметно вкладывает новый учитель эти мысли в юные головы. А поэма Лермонтова “Три пальмы”? Разве забудешь когда-нибудь мастерское чтение учителя об этих пальмах? Ведь это же не деревья, а люди с их мечтами о прекрасной жизни. Им хочется красоты и радости, и вот они дождались каравана, к ним идёт “верблюды за верблюдом, взрывая песок”. Перед глазами проходит картина невиданной красоты. Из душного класса мальчики переносятся в какой-то сказочный мир. Учитель видит их взволнованные лица. И сам он взволнован. Но его цель – не баюкать сказкой. Впереди у них жизнь, может быть нелёгкая, и они должны быть к ней готовы...» [27, 63].

В этом довольно лаконичном описании присутствует то главное, чем должно отличаться чтение художественных текстов и современным учителем: умением читать так вдохновенно, чтобы сердца слушателей наполнялись «радостью духовного роста», чтобы заставить их при этом «призадуматься». Это чтение, которое позволяет учителю незаметно вкладывать «мысли в юные головы», создавать особый сказочный мир в сознании тех, у кого жизнь может быть очень нелёгкой.

Герой романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» Макар Деушкин рассуждает в одном из писем: «А хорошая вещь литература, Варенька, очень

хорошая... Глубокая вещь! Сердце людей укрепляющая, поучающая... Литература, это – картина, то есть в некотором роде картина и зеркало; страсти выражение, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ» [11, 70].

Собственно, в этих словах героя Достоевского уже указаны все причины, по которым необходимо читать литературу: и «хорошая», и «глубокая», и «укрепляющая», и «поучающая»... А чему, собственно говоря, эта «поучающая», да к тому же ещё и «глубокая вещь», «сердце людей укрепляющая», может научить?

Может быть, этому: «Многие поколения русских людей, людей русской культуры, кто бы они ни были по национальности, – пишет Л. С. Айзерман, – как нечто непреложное воспринимали “Капитанскую дочку” Пушкина с её “Береги честь смолоду”. И как должное воспринимали эпизод, когда Гринёв отказался целовать руку Пугачёва. А сегодня ребята кричат в классе: “Ну и дурак. Что он, не мог поцеловать ему руку? Подумаешь... Зато остался бы жив. Рисковать жизнью из-за такой ерунды”» [2, 15].

Может быть, и «ерунды», но создаётся такое впечатление, что так кричащие сегодня школьники не дочитали «Капитанскую дочку», не узнав, что же случилось с теми, кто руку Пугачёву поцеловал. Это всё равно, что сегодня строить огромный корабль и радоваться тому, что он будет носить имя «Титаник», а потому разделит его судьбу, или строить линию Маннергейма... И в том, и в другом случае надо всё-таки дочитать историю. Всё это напоминает случай, произошедший в годы перестройки, когда нарождающиеся кооперативные издательства получили возможность издавать то, что им нравится. Одно такое издательство остановило свой выбор на томике избранного Саши Чёрного. Эпиграфом к сборнику они взяли слова самого Саши Чёрного:

Дух свободы...

К перестройке

Вся страна стремится...

Понятно, что создателей в данном случае интересовали и «дух свободы», и, конечно же, «перестройка». Однако они не обратили внимания на то, что по жанру это – пародия, и главное, не удосужились дочитать стихи до конца, с учётом которого такой эпиграф выглядит весьма сомнительно:

Дух свободы...
К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.
Не топись, охранный воин,
Воля улыбнётся!
Полицейский! Будь покоен,
Старый гнёт вернётся... [28, 41].

Или, может быть, литература учит тому, чему «удалось» научить одного из своих учеников автору этих строк: «Раскольников не знал главного. После совершения убийства ему надо было каждый день делать зарядку, бегать по утрам, принимать водные процедуры, и тогда в его голове не появились бы ненужные мысли. Он мог бы заняться реализацией своих планов, для которых нужны были полученные им деньги...».

Примеры, увы, можно множить и множить! Может быть, всё дело в том, что в своей ежедневной практике школьное преподавание литературы перестало понимать её как «высший род искусства» (*В. Г. Белинский*), а стала всё больше готовить к ответам на вопросы ЕГЭ по литературе?

Именно сегодня особенно актуальной стала мысль В. А. Сухомлинского: «Литература изучается совсем не для того, чтобы через несколько лет после окончания школы человек готов был повторить то, что он заучил наизусть...» [23, 76].

Разумеется, нет ничего плохого в том, если «через несколько лет после окончания школы человек готов» повторить наизусть то, что в своё время заучил на уроках литературы. И в определённых условиях такая готовность может пригодиться. При этом мы не отказываемся от попытки решить главный вопрос: ради чего читается, изучается художественная литература, в том числе и в современной школе.

Ответов на поставленный вопрос, как это не покажется странным, много, значит, необходимо выбрать наиболее верный или верные.

В качестве одного из таких ответов можно взять слова академика Д. С. Лихачёва: «...Литература – это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой “лёгкости” от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает ещё некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную» [13, 205].

Что такое «преодоление слова»? Мы знаем, что такое сапоги или ковёр, и нас никак не удивляет то, что могут быть «сапоги-скороходы» и «ковёр-самолёт». Можно сослаться на то, что такие предметы бывают только в сказке. Мы произносим «резиновая калоша» и, в зависимости от контекста, возникает целый ряд возможных смыслов. Это может быть напоминание о том, что за окном идёт дождь и надо надеть калоши. Но ведь так можно назвать плавающее средство (старый пароход, например), а то и человека... И весь возможный спектр смыслов, связанных с этим предметом, нам понятен, однако является поэт и сообщает:

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день – сухой, хороший,
Если высохла вода.
Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:

То ли дело шлёпать в луже,
Через улицу шагать! [14, 330]

Преодоление слова начинается, когда у резиновой калоши случается «настоящая беда», когда герой С. Чёрного признаётся: «Вчера целый день пролежал под диваном, даже похудел. Всё хотел одну такую штучку сочинить. Придумал – и ужасно горжусь.

По веранде ветер дикий
Гонит листья всё быстрее.
Я весёлый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!» [29, 113].

Читатели, которые поняли, в чём «беда» резиновой калоши, и, как это собака Микки пишет дневник, да ещё и стихи про себя, понимают, что такое «преодоление слова», они могут найти это преодоление и в более сложных случаях:

Где нет уже ни счастья, ни страдания,
А только всепрощающая даль [6, 53].

Понимая, что у слова «даль» есть своя семантика, никак не предполагающая «всепрощения», т. к. таким качеством, свойством характера могут обладать лишь живые существа, в первую очередь человек, читатели осознают, что стихотворение Бунина – это уже другой, искусственный мир.

Чтение как раз и призвано научить видеть «преодоление слова»: без этого умения не только «некий сверхсмысл», но и смысл как таковой читающему будет недоступен. Будет недоступно и понимание того, что человек – главный предмет литературы, и любое произведение – это выражение представлений о человеке, это обнаружение его. Поэтому важно

не только для писателя, но и для его читателя умение, готовность и желание понимать другого человека, а значит, и себя.

Не воспринимать художественное произведение в качестве ещё одного источника информации для последующей сдачи экзамена или зачёта, а научиться видеть в нём модель мира, созданного авторским воображением, научиться понимать мир его героев. В. Г. Белинский считал, что читатель должен быть способен «пережить» произведения писателя: «...переносить, перечувствовать в душе своей всё богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствовать их радостью, их торжеством, их надеждами» [5, 123]. Никак недостаточно знать только содержание и уметь пересказать его близко к тексту.

Главная цель литературного образования заключается в том, чтобы формировать и совершенствовать это сложное качественное психологическое состояние личности человека, которое называют читательской культурой. При этом речь должна идти именно о состоянии личности вообще, потому что в процесс эстетического восприятия вовлекается вся духовная жизнь. Это восприятие зависит от того, какие книги уже прочитаны, какие произведения живописи, архитектуры, скульптуры и т. п. известны человеку, с какой степенью внимания и понимания он их воспринимал.

Другое дело, что ведущим началом этого процесса является знание, знание художественного текста, без которого содержание произведения просто не раскроется, даже если каждое слово в отдельности понятно. А этого знания как раз и не хватает современному читателю, в первую очередь школьнику. Об этом свидетельствуют ежегодные результаты ЕГЭ по литературе: всё чаще встречаются работы учащихся, свидетельствующие о том, что сами произведения не прочитаны, а сведения об их содержании получены из разного рода пересказов и изложений.

Об этой опасности ещё в 1911 году предупреждал методист А. Д. Алфёров, подчёркивая, что «изучаться в школе должны сами писатели, а не сведения, сообщаемые об них в учебнике или излагаемые преподавателями; такие сведения должны только сопутствовать чтению писателей» [1, 34].

Однако только чтения как такового тоже мало, хотя в различных околешкольных и околоспециальных кругах по-прежнему гуляет писаревская мысль о возможности и даже необходимости только чтения, перевода литературы в разряд факультатива. Опасность такого подхода предвидели наши методисты ещё в 60-е годы XIX века: «Для нас словесность – не наука, а литература, т. е. материал её составляют литературные произведения, которые подлежат изучению и разбору. Мы с намерением прибавили эту последнюю фразу, потому что одно простое чтение литературных произведений, как бы хороши они ни были, не может выполнить педагогических задач, хотя ученики и с большим интересом будут слушать чтение, но оно для них будет более забавою, чем серьёзным делом» [21, 125].

Поэтому на сегодняшнем воспитателе, не обязательно только русского языка и литературы, занимающемся чтением литературы, лежит главная ответственность за будущие поколения читателей, ответственность за то, будут ли они способны только прочесть и пересказать прочитанное или научатся читать в значении понимать, осмысливать литературное произведение в качестве фактов искусства.

Задача необычайно трудная, в том числе и по причине резкого снижения социального статуса литературы в жизни общества. Самая читающая страна в мире подсела к телевизору. 37 % населения книг вообще не читают. В 1970-е годы 80 % родителей читали детям книжки. В 1990-е – 15 %, а в 2005-м – только 7 % ...

В этих условиях ещё более сложной оказывается задача научить видеть в литературном произведении суть, живое явление, непосредственно действующее на душу читателя, имеющее то неоценённое свойство возбуждать мысль, которое так ценит любая наука или область научных знаний. Чтение не только развивает восприимчивость ума, но и производительную его способность.

По М. Горькому, искусство, как и наука, создаёт «вторую природу» для человека, однако принципиальное отличие заключается в том, что наука

окружает человека «второй природой» извне, а искусство создаёт эту природу внутри человека. Воспитание этой мысли и должно быть главным в обучении чтению художественной литературы. Без такого воспитания все остальные усилия оказываются безрезультатными, ибо время только подтвердило правоту И. С. Тургенева: «Напрасно думают иные, что для того, чтобы наслаждаться искусством, достаточно одного врождённого чувства красоты, – без уразумения нет и полного наслаждения; и самое чувство красоты также способно постепенно уясняться и созреть под влиянием предварительных трудов, размышления и изучения великих образцов, как и всё человеческое. Без тонко развитого вкуса нет полных художественных радостей, а никто ещё не родился с тонким вкусом» [26, 183].

Нелюбовь к чтению приводит к падению памяти не только каждого нечитающего, но и нашей общей исторической памяти. Отвергая чтение литературы, заменяя его готовыми домашними заданиями и всевозможными играми, мы становимся беспмятным народом. А это страшнее любых стихийных бедствий или техногенных катастроф.

Литература

1. Алфёров А. Д. Родной язык в средней школе: (Опыт методики) С прилож.: а) тем для соч. и бесед, б) текстов учен. соч., в) двух пед. очерков, г) крат. списка книг. М.: Сотр. шк., 1911. VIII. 556 с.
2. Айзерман Л. «Никакой моей вины...»? Педагогическая драма в восьми актах // Литература в школе. 2010. № 12. С. 15.
3. Айпин Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах // Литературное наследие обских угров. Т. II. Хантыйская литература / Сост. Е. В. Косинцева, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 77–160.
4. Басина М. Я. Жизнь Достоевского. Сквозь сумрак белых ночей. Документ. повесть. Л.: Дет. лит., 1979. 231 с.
5. Белинский В. Г. Сочинение Александра Пушкина. Статья пятая / Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1981. 678 с.

6. Бунин И. А. «Случайный взор, подобный взору лани...» / Бунин И. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 53.
7. Вахрушева М. П. На берегу Малой Юконды // Литературное наследие обских угров. Т. I. Мансийская литература / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 22–41.
8. Высоцкий В. С. Баллада о борьбе / Высоцкий В. С. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2011. 989 с.
9. Гамзатов Р. Надписи на книгах / Гамзатов Р. Г. Соч.: в 2 т. Т. 2: Поэмы. Сказания. Письма. М.: Известия, 1977. 528 с.
10. Динисламова О. Ю. Диалог поколений: мама с дочкой // Литературное наследие обских угров. Т. I. Мансийская литература / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 78–88.
11. Достоевский Ф. М. Бедные люди / Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. С. 13–108.
12. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1985. 207 с.
13. Лихачёв Д. С. О филологии. М.: Высш. шк., 1989. 208 с.
14. Мандельштам О. Калоша / Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. 638 с.
15. Мартынов Л. Н. «Есть книги...» / Мартынов Л. Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 768 с.
16. Молданова В. М. Два зайчонка // Литературное наследие обских угров. Т. II. Хантыйская литература / Сост. Е. В. Косинцева, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 310–311.
17. Новьухов М. И. В шутку и всерьёз // Литературное наследие обских угров. Т. II. Хантыйская литература. С. 405–406.
18. Пришвин М. М. Повесть нашего времени / Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1983. 488 с.

19. Сазонов Г. К., Конькова А. М. И лун медлительных поток... // Литературное наследие обских угров. Т. I. Мансийская литература / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 237–358.
20. Светлов М. А. «Безмолвствует чёрный обхват переплёта...» / Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1975. 784 с.
21. Стоюнин В. Я. О преподавании русской литературы / Стоюнин В. Я. Избр. пед. соч. М.: Педагогика, 1991. С. 296–317.
22. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / Изд. 4-е. Киев: Радянська школа, 1973. 288 с.
23. Сухомлинский В. А. Не только разумом, но и сердцем. Сб. ст. и фрагментов из работ. М.: Мол. гвардия, 1986. 205 с.
24. Тарханов А. С. «Лиловы лики скифов грозных...» / Исповедь язычника: Стихи и поэма / Предисл. К. Яковлева. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. 400 с.
25. Тарханов А. С. Мишка и смелый зайчишка / Тарханов А. С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Снежная симфония. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2017. 320 с.
26. Тургенев И. С. Из-за границы. Письмо первое / Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Худож. лит., 1979. С. 303–307.
27. Чернышевская Н. М. Повесть о Чернышевском. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1971. 223 с.
28. Чёрный С. От редакции (пародия) / Чёрный С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения 1905–1916. М.: Эллис Лак, 1996. 404 с.
29. Чёрный С. Дневник фокса Микки / Чёрный С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Детский остров. М.: Эллис Лак, 1996. С. 131–158.
30. Шесталов Ю. Н. Мой новый дом // Литературное наследие обских угров. Т. I. Мансийская литература / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 457–460.

31. Шесталов Ю. Н. Школа – светлый праздник // Литературное наследие обских угров. Т. I. Мансийская литература / Сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. С. 467–474.

3. Любовь к чтению или привычка читать?..

*Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьёт обольстительный обман!*
Александр Пушкин. «Евгений Онегин»

*Не понимая ничего,
Читает «Фауста» в вагоне...
Осип Мандельштам*

*Умейте читать не только для школьных ответов
и не только потому, что ту или иную вещь
читают сейчас все – она модная.
Умейте читать с интересом и не торопясь.
Дмитрий Сергеевич Лихачёв*

В «Фейных сказках» (1905) Константина Бальмонта есть стихотворение «Смешной старик», которое звучит сегодня очень современно. Содержание стихотворения передаёт иронию автора по отношению к учёному старику, главное занятие которого читать книги. А у детей, к которым обращается «школьный дядька», совсем другое желание:

Вот какой смешной старик
Школьный дядька наш.
Дал нам много скучных книг,
Но забыл смешной старик
Дать цветочных чаш.
Вот мы книги в тот же миг, –
Раз, и пополам.
Тут поднялся смех и крик,
Позабыт смешной старик,
В сад скорей, к цветам.
Книги пусть читает он,
У него очки.

Он так стар и так учён,
Нам приятней видеть клён,
Хмель и васильки.
Книги пусть читает он,
И сидит в шкафах.
Мы же любим небосклон,
Вольных смехов светлый звон.

Сказочное содержание «Смешного старика» обращено к тому, чтобы убедить в необходимости быть ближе к природе, «к цветам», «видеть клён, хмель и васильки», поэтому дети в художественном пространстве совершают поистине варварский поступок – рвут книги «пополам». И если в начале XX века в читающей России сюжет с нежелающими читать, а потому рвущими книги детьми воспринимался как сказочно-ироничный, то в наше время его могут воспринять всерьёз и как «руководство к действию». И это при том, что альтернативой чтению книг у Бальмонта выступает общение с природой, а современного человека этим увлечь не так просто.

Ситуацию можно изменить, если чтение и общение с природой будут не противопоставлены, как в сказочном сюжете Бальмонта, а сведены в некое единство, когда подрастающие поколения будут иметь возможность познавать окружающий мир не только при непосредственном общении с ним, но и опосредованно, через произведения художественной и публицистической, научной и научно-популярной литературы. Видимо, так представлял себе ситуацию лирический герой Николая Гумилёва в стихотворении «Жёлтое поле...»:

Жёлтое поле,
Солнечный полдень,
Старая липа.
Маленький мальчик

Тихо читает
Хорошую книгу.
Лишь умирая,
Уже холодный,
Вдруг припомнит
Былое счастье,
Яркое солнце,
Старую липу,
Хорошую книгу,
А будет поздно [7, 470].

В отличие от ироничного «Смешного старика» Константина Бальмонта, счастье, пусть и «былое», для лирического героя Николая Гумилёва заключено в гармонии «яркого солнца», «старой липы» и «хорошей книги». Они находятся не в оппозиции, а составляют единство мира, даже если жизнь в этом мире уже прожита и менять что-то поздно. Гармония единства жизни создаётся сочетанием реального (яркое солнце, старая липа) и нереального, искусственного (хорошая книга) мира. Одна из функций последнего заключается в том, чтобы наполнять сознание человека «обольстительным обманом», как заметил автор первого эпиграфа в романе «Евгений Онегин». Однако в этих четырёх строках чтение охарактеризовано как процесс, в котором есть «живое очарованье», читаемый роман в восприятии героини предстаёт как «сладостный», и читает она его с «вниманьем».

Трактовка чтения, пусть и не единственная, как «сладостного обмана», никак не лишает его необходимости понимать то, о чём читаешь. В этом отношении герой стихотворения Осипа Мандельштама из второго эпиграфа просто зря теряет время: нет смысла в том, чтобы читать, «не понимая ничего».

А третий эпиграф представлен словами Дмитрия Сергеевича Лихачёва, обращёнными к начинающим читателям – школьникам. В нём заложена мысль учёного о том, что нельзя читать «только для школьных ответов» или из соображений моды, в чтении должен быть интерес самого читающего.

И «сладостный обман», и «внимание», и «живое очарование», и понимание, и интерес к тому, что читаешь, сами собой не возникают, всё это не придёт само, «если не примем мер» (В. Маяковский). Формированием и техники, и потребности в чтении, воспитанием чувства прекрасного в процессе общения с высоким организованным словом необходимо заниматься целенаправленно и последовательно.

Сегодня накоплен большой методический опыт формирования потребности к чтению, организации читательской деятельности в современном образовательном пространстве, разработаны теоретические основы и методические возможности формирования техники и навыка чтения, интеграции в этом аспекте урочной и внеурочной деятельности. Современные исследования носят научно-практический характер, в их основе – размышления о судьбах книги и чтения, о возможностях педагогов и библиотек в разработке и внедрении разнообразных способов расширения поля читательских ориентаций подростков, развития их личностной читательской активности [1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 15].

Первая глава нашего исследования не случайно озаглавлена «Как и что мы читаем...». Если мы стремимся к тому, чтобы, не останавливаясь только на технике чтения, развивать у школьников способность понимать читаемое, нельзя равнодушно относиться к *выбору материала*, на котором происходит обучение чтению, формируется умение понимать прочитанное, воспитывается потребность в чтении как таковом. В 1875 году методист Лев Иванович Поливанов заметил: «Литературные произведения суть *живые явления*, непосредственно действующие на душу учащегося...» [10, 138].

Интересно, могут ли современные школьники понимать литературные произведения в качестве «живых явлений», или для них слова учёного

останутся образным определением, которое не выходит за пределы своего века. Нет ничего предосудительного, а тем более сложного в том, чтобы выяснить у школьников, ощущают ли, могут ли утверждать, что произведения литературы – это «*суть живые явления, непосредственно действующие на душу*». В зависимости от полученных ответов, в которых может преобладать либо понимание литературных произведений как живых явлений и осознание их воздействия на душу читателя, либо отсутствие и того, и другого, педагог, специалист, который руководит организацией чтения учащихся, имеет возможность определить дальнейшую стратегию работы.

Одним из направлений такой работы может стать выяснение уровня понимания и отношения учащихся к утверждению того же Л. И. Поливанова: «Сила литературных произведений имеет то неценённое свойство *возбуждать мысль* учащихся, которое так ценит дидактика для современного развития не только *восприимчивости* ума, но и *производительной* его способности» [10, 138].

Способны ли школьники осознать то, что чтение произведений литературы возбуждает их мысль, способствует развитию умственных способностей, возможностей их интеллекта?

Восприимчивость ума и его производительная способность – качества, которые можно и необходимо развивать, и, естественно, что для организации и руководства таким развитием необходимо иметь представление о том, каков начальный уровень такой восприимчивости. Поэтому результативную работу педагога – организатора детского чтения, будь то урочная или внеурочная, кружковая или клубная деятельность, невозможно представить без выяснения того, как школьники воспринимают художественный текст, без конкретизации уровней его восприятия и коллективом в целом, и отдельными его членами. Такое выяснение необходимо для определения содержания и методики дальнейшей работы. Практика показывает, что мало знать общие тенденции возрастного восприятия произведений литературы,

как и искусства вообще школьниками, при всём том, что механизм читательского восприятия, эстетическое своеобразие отношения к прочитанному весьма схожи в возрастном аспекте. Необходимо выяснить особенности восприятия произведения учениками данного коллектива, чаще всего это – класс.

Выяснение уровня читательского восприятия принципиально важно ещё и потому, что, как показывает опыт многолетних наблюдений нескольких поколений учителей, читательское восприятие не сразу осознаётся самими школьниками, не всегда открыто для них, даже если художественный текст прочитан в полном объёме. Получается так, что выяснение уровня читательского восприятия, с одной стороны, даёт педагогу-организатору основания для выбора пути последующей работы, содержания и методики подходов к организации чтения школьниками. А с другой стороны, такое выяснение и для самих школьников выделяет, конкретизирует впечатления от прочитанного текста, заостряет их внимание на важных, значимых деталях его. Пользуясь методикой выяснения возрастных и индивидуально-типологических различий восприятия школьниками художественного произведения, разработанной В. Г. Маранцманом, и в результате многолетней практики была разработана методика выяснения сфер читательского восприятия. Ниже представлены те сферы, которые, по мнению автора исследования, являются наиболее важными, принципиальными в свете необходимости организации детского чтения. Для большей эффективности и своеобразного облегчения задачи для школьников такое выяснение обычно проводится через обращение к произведениям школьной программы.

Не выстраивая систему заданий, направленных на выяснение уровня читательского восприятия по принципу дифференцированного нарастания сложности, *первой* такой сферой мы определили *активность и точность эмоциональной реакции*.

Школьники получают задание, в основе которого наблюдение современника автора комедии «Недоросль», драматурга, актёра и театрального критика П. Л. Плавильщикова, который заметил в 1792 году: «Сколько ни производит наш “Недоросль” смеху, но есть мгновение в четвёртом действии, в которое у зрителя выступит слеза».

Школьники получают задание ответить на предлагаемые ниже вопросы (форму ответов, письменную или устную, руководитель выбирает в зависимости от конкретной ситуации или сложившихся в классе кружке, клубе и т. п.):

1. Как вы думаете, чем производит «Недоросль» смех? Не устарел ли смех «Недоросля» для современного читателя, зрителя? Аргументируйте свой ответ.

2. Какое, по вашему мнению, «мгновение в четвёртом действии» вызывало слезу у современников Фонвизина? Изменилась ли, на ваш взгляд, реакция на это мгновение у зрителя современного? Порассуждайте на эту тему.

В том случае, если данная сфера сформирована недостаточно, эмоциональное начало художественного текста, да и произведений других видов искусства, оказывается для читателя, зрителя, слушателя недоступным. Такие читатели или слушатели будут смеяться, прочитав или услышав: «все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь». И, наоборот, они никак не могут понять, что смешного в словах Хлестакова или героев «Вишнёвого сада».

Вторая сфера определяется нами как *глубина освоения содержания и смысла произведения.*

Школьники знакомятся с мнением литературоведа Л. И. Тимофеева, который, анализируя стихотворение А. С. Пушкина «Я вас любил...», приходит к выводу: «...это ведь на самом деле звучит: “Я вас люблю”».

Учащимся необходимо аргументированно высказать своё мнение относительно высказанного утверждения, опираясь на вопросы:

1. Не кажется ли вам такое утверждение слишком вольным толкованием пушкинских строк? Попробуйте опровергнуть мысль исследователя.

2. Какие доводы вы могли бы привести в доказательство верности мысли Л. И. Тимофеева? Дает ли основание для такого вывода само стихотворение? Аргументируйте свой ответ.

Третью сферу можно обозначить так – конкретизация литературных образов в читательском воображении.

Школьники узнают о том, что критик XIX века С. П. Шевырёва предлагал в своё время автору романа «Герой нашего времени» «слить Бэлу и княжну Мери. Если бы можно было слить Бэлу и Мери в одно лицо, вот был бы идеал женщины».

В связи с высказанным предложением они оказываются перед необходимостью ответить на следующие вопросы и выполнить задание:

1. Как вы считаете, если бы можно было произвести такой эксперимент, действительно ли в итоге мог получиться «идеал женщины»? Попробуйте это сделать.

2. В чём близки и чем отличаются Бэла и княжна Мери? Как вы думаете, с какой целью Лермонтов сталкивает своего героя с такими разными женскими характерами?

Обращение к сфере читательского восприятия, которая называется конкретизация литературных образов в читательском воображении, позволяет отметить, определить то, насколько представимы, видимы читателем-школьником образы литературных персонажей. Логично, что для того, чтобы провести эксперимент, который предлагал С. П. Шевырёв («слить Бэлу и Мери в одно лицо»), необходимо иметь чёткое представление об их внешности, манере говорить, двигаться, логике мышления и т. д.

Принципиально важной является и **четвёртая** сфера читательского восприятия – *степень внимания к художественной форме (деталь и композиция), способность её эстетически оценить.*

Школьникам небезынтересно во всех отношениях будет узнать о том, что писатель Иван Бунин, говоря о Льве Толстом, заметил: «Вы посмотрите, как у него всё просто, сильно и глубоко. А ведь он не боится мелочей, которые могли бы показаться неубедительными. Наташа вбегает к раненому князю Андрею. Слышен чей-то храп... А ведь этот храп за стеной нисколько не помешал...».

Такое мнение писателя о писателе позволяет заострить внимание формирующегося сознания читателя на художественной детали, её роли в раскрытии авторского замысла, понимании сущности создаваемого в художественном тексте мира. Способствует развитию такого внимания работа с предлагаемыми вопросами и заданием:

1. *Перечитайте эпизод, о котором говорит писатель. Каково состояние героини в этом эпизоде? Вам не показалось оскорбительным упоминание о храпе в такой момент?*

2. *Вы можете согласиться с Буниным в том, что «храп за стеной нисколько не помешал»? Если да, то в чём, на ваш взгляд, смысл этой толстовской «мелочи»?*

А ведь эта толстовская деталь, на которую обратят внимание школьники, есть показатель того, что, несмотря ни на какие трагедии и потрясения, жизнь продолжается, не теряя при этом многообразия проявлений, процессов, важных и малозначительных деталей и подробностей.

Пятая сфера читательского восприятия – это *способность видеть за реальностью искусства автора.*

Школьники узнают о том, что среди критиков XIX века сложилось расхожее мнение, согласно которому Лермонтов – «скептический романтик, сомневающийся во всех человеческих ценностях».

В данной сфере принципиально важно то, могут ли читатели «за реальностью искусства» видеть реального автора, конкретного человека, у которого были свои симпатии и антипатии, который признавал или отвергал

ту или иную манеру, модель поведения, который в жизни был общительным или замкнутым, пессимистом или оптимистом и т. д. и т. п. Определить возможности читателя в этой сфере можно посредством следующих вопросов, которые могут выходить за пределы выяснения только личности автора:

1. Как вы представляете себе тип поэта-романтика, тип романтического сознания? Какое дополнительное значение придаёт этому явлению культуры определение «скептический»?

2. Могли бы вы согласиться с тем, что к Лермонтову применима такая характеристика? Если да, какие лирические произведения вы привели бы в качестве примера? Если вам близка противоположная точка зрения, то какие примеры вы приведёте в таком случае?

Разумеется, что читателю-школьнику для ответа на поставленные вопросы необходимо знание определённого корпуса текстов, как в приведённом примере или тексте одного произведения, если речь идёт о повести, романе или поэме.

Для организации детского чтения, разработки его программы принципиально важно знать и то, насколько школьники *способны к эмоциональной дифференциации художественного образа*, что представляет собой *шестую* сферу читательского восприятия.

Примером проверки развитости этой сферы читательского восприятия может служить такое задание. Литературовед В. И. Масловский пишет: «“Пейзаж: души” дан у Фета в движении, насыщен живыми деталями предметного мира, наглядными образами, богат слуховыми, зрительными и даже обонятельными ощущениями».

Во-первых, весьма интересным оказывается выяснение вопроса о том, как представляют себе школьники 5–7 или 9–10 классов «пейзаж души» поэта. Какие составляющие этого пейзажа они могут назвать? Такое выяснение развивает образное мышление, заставляет иными глазами посмотреть на творческого человека и на человека как такового. И тогда в

другом свете выглядят вопросы и задание, направленные на то, чтобы определить, насколько способны школьники к дифференциации художественного образа:

1. В каких стихах Фета, на ваш взгляд, наиболее ярко представлен «пейзаж души»? Можете вы согласиться с тем, что он «дан у Фета в движении, насыщен живыми деталями предметного мира»?

2. Верно ли, что «пейзаж души» в стихах Фета «богат слуховыми, зрительными и даже обонятельными ощущениями»? Если да, приведите конкретные примеры.

Седьмую сферу читательского восприятия можно определить как способность к оправданию художественных средств и художественного метода.

Можно предложить школьникам ознакомиться с мнением литературоведа К. В. Пигарева: «Охотно Тютчев прибегает к олицетворениям, нередко переходящим в своего рода мифологизацию образов явлений природы (“Летний вечер”, “Весенние воды”, “Весна”). Но и в тех стихах, где нет ни мифологических образов, ни явных олицетворений, природа сама рисуется как некое одушевлённое целое».

Учащиеся оказываются перед необходимостью поразмышлять и представить результаты своих размышлений, отвечая на вопросы и выполняя задания следующего порядка:

1. Как часто, на ваш взгляд, Тютчев прибегает к олицетворениям? Чему они служат в его стихах?

2. Чем, по вашему мнению, олицетворение отличается от «мифологизации образов и явлений природы»? Расскажите о том, как выступает эта мифологизация в указанных исследователем стихотворениях.

3. Можете вы согласиться с тем, что Тютчев рисует природу, «как некое одушевлённое целое»? Обоснуйте свой ответ.

Для правильного, то есть наиболее приближенного к авторскому замыслу, понимания принципиально важна способность заметить

художественную логику текста, которую мы определяем как *восьмую* сферу читательского восприятия.

Школьники получают информацию о том, что у Фёдора Михайловича Достоевского планировались другие финалы романа «Преступление и наказание». Один из них был таким: «Финал романа. Раскольников застрелиться идёт».

Учащимся предоставляется возможность высказать своё понимание, своё видение логики построения произведения, отвечая на представленные ниже вопросы:

1. *Считаете ли вы, что такой финал был бы закономерен, логичен? Аргументируйте своё мнение.*

2. *Был бы такой финал, на ваш взгляд, интересен с точки зрения познания характера главного героя, мотивов его поведения?*

* * *

Уже учёными-методистами России второй половины XIX века было отмечено, что одним из самых эффективных средств пробуждения восприимчивости и производительной деятельности формирующегося сознания служит чтение произведений отечественной литературы. Происходит это благодаря тому, что в процессе чтения школьник вырабатывает умение, навык воспроизводить в сознании не только то, что выражено в знаках письменной речи, но и то, что необходимо домыслить, достроить, дополнить через своё видение и понимание мира. Не потеряли актуальности и наблюдения методиста Петра Владимировича Смирновского, который в 1883 году отмечал: «Чтение как предмет обучения имеет свои специальные задачи: 1) *постепенно развивать дар слова учащихся*, для чего оно и проводится в связь с устными и письменными упражнениями; 2) *служит подспорьем при изучении языка и теории истории словесности*» [12, 174].

Если исходить из замечаний методиста, то значимость чтения в развитии дара слова учащихся оказывается на первом месте. А владение

словом – это не самоцель, и даже изучение языка и литературы не является единственной целью формирования в школьнике дара слова, умения владеть словом. Человек, обладающий таким даром, способен проявить себя в любой области научного знания. Не менее важна и та часть наблюдений методиста, где он говорит об устных и письменных упражнениях, которыми необходимо сопровождать чтение.

Остановимся на тех подходах дидактического характера, которые есть в нашем опыте, который основывается, прежде всего, на том, как сами писатели понимали чтение, как к нему относились. При этом важно не только само обращение к мнению художника слова как таковое, а возможность поставить вполне определённую проблему, важную для миропонимания школьника, для его отношения к себе и окружающему миру.

Например, можно организовать диспут для учащихся 5–7 классов, отправной точкой которого послужат слова писателя Вениамина Каверина¹: «Книга – мост между писателем и читателем, одни переходят этот мост, внимательно вглядываясь в открывающуюся панораму, другие пробегают его стремглав».

Для начала можно предложить школьникам оценить определение книги в качестве моста «между писателем и читателем». Насколько такое видение книги представляется им и неожиданным, и приемлемым? Но главная проблема заключается в том, каким читателем видят себя школьники, как они любят переходить по такому «мосту». Возможно, что они могут выступать и в том, и в другом качестве, и тогда сразу же возникает вопрос о том, отчего зависит способ (скорость) перехода моста-книги.

В другом случае можно обратить внимание на слова писателя Василия Шукшина: «Настоящая литература рассчитана на неодноразовое прочтение...».

И тому, кто руководит формированием читательских интересов школьников, и, разумеется, им самим будет интересно выяснить вопрос,

¹ Слова могут быть использованы и при разработке индивидуальных заданий, которые выполняются учащимися письменно.

определиться с тем, какой смысл современный читатель вкладывает в определение «настоящая литература». Считает ли читатель-школьник сегодняшнего дня, что ему уже удавалось встречаться с произведениями такой «настоящей литературы»? А «ненастоящей»? Принципиально важно при этом, чтобы участники дискуссии или опроса привели свои примеры и той, и другой литературы. Опыт обращения к таким проблемным заданиям свидетельствует о том, что и следующий, понятный для сформировавшегося читателя вопрос, вызывает и затруднения, и самый живой интерес учащихся: Зачем необходимо задать вопрос, есть ли вообще смысл в «неодноразовом» прочтении произведений «настоящей литературы»?

В главе «Чтение и возможности развития личности» цитировалась лирическая миниатюра Леонида Мартынова. Есть смысл снова вспомнить её текст:

Есть книги –
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают Они!

Возвращение к стихотворению Л. Мартынова на этот раз связано с необходимостью конкретной работы по организации чтения.

Принципиально важно в данном случае выяснить вопрос о том, что значит для современного школьника-читателя «заглянуть» в книгу. И для учащихся 5–7 классов, и 9–11 (разумеется, с разной степенью глубины проникновения в суть проблемы) оказывается увлекательным вопрос о том, как они представляют себе книги, которые «читают» нас. А также о том, какими они видят книги, которые способны на такое «чтение». В выяснении такого, без преувеличения, философского вопроса одним из значимых составляющих должен быть читательский и жизненный опыт педагога,

который знает и может рассказать о книгах, обладающих способностью «читать» того, кто в них «заглянул».

Возможно, что только благодаря руководителю или организатору детского чтения, тот, кто вырос с «Тараканищем», «Мойдодыром» и «Федориным горем», узнает, что у Корнея Ивановича Чуковского есть интереснейшая книга «Живой как жизнь», в которой писатель поведал такую историю: «Пришёл в библиотеку молодой человек лет шестнадцати и попросил деловито:

– Не можете ли вы подобрать для меня материал: “За что я люблю Тургенева?”

– Какой тут материал? – сказал я. – Это дело вашего личного вкуса. Не спрашиваете же вы у меня материалов для объяснения вашей любви... ну, хотя бы к футболу.

– Так ведь футбол я люблю на самом деле, а Тургенева...»

Ещё совсем недавно (с точки зрения исторического отрезка времени) вопросы о том, почему и за что можно любить автора, его произведения, были, как казалось, простыми, если не наивными, однако сегодня понимать их таковыми уже никак нельзя. В данном конкретном случае можно поинтересоваться у школьников о том, насколько они понимают разницу между любовью к произведению литературы и тому же футболу. Есть смысл и в том, чтобы выяснить, является ли, по их мнению, любовь к литературе обязательной, и если да, то почему.

Литература

1. 100 проектов в поддержку чтения+. Актуальные социально-педагогические инициативы. Культурно-образовательный атлас / Т. Г. Галактионова, Е. И. Казакова, Р. В. Раппопорт и др. М.: РИПОЛ-классик, 2015. 146 с.

2. 100 проектов про чтение. Актуальные инициативы. Культурно-образовательный атлас / Редактор-составитель Р. В. Раппопорт. М.: Рипол-классик, 2016. 144 с.

3. 100 проектов про чтение – 2017. Литературный флагман России. Культурно-образовательный атлас: региональные практики и актуальные инициативы / Координационный совет программы: Т. Галактионова, Е. Казакова, С. Кайкин, Д. Котов, Е. Павлова / Редактор-составитель: Р. Рапопорт. М.: Рипол-классик, 2017. 210 с.

4. Андреева О. В. Методы и формы пропаганды чтения в России: история и современность / О. В. Андреева; Рос. кн. палата. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 2013. 218 с.

5. Бальмонт К. Д. Смешной старик / Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Худож. лит., 1991. С. 303–304.

6. Галицких Е. О. Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества. М.: Библиомир, 2016. 272 с.

7. Гумилёв Н. С. «Жёлтое поле...» / Гумилёв Н. С. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. 592 с.

8. Кризис чтения: энергия преодоления: Сб. научно-практических материалов / Редактор-составитель В. Я. Аскарова. М.: МЦБС, 2013. 320 с.

9. Кутейникова Н. Е. Формирование читательской компетенции школьника. Детско-подростковая литература XXI века: учеб. пособие для общеобразоват. Организаций / Н. Е. Кутейникова, С. П. Оробий. М.: Просвещение, 2016. 220 с.

10. Поливанов Л. И. О хрестоматии как руководстве при учении отечественного языка в средних классах учебных заведений // История литературного образования в российской школе: Хрестоматия для студ. филол. фак. пед. вузов / Автор-сост. В. Ф. Чертов. Издательский центр «Академия», 1999. С. 152–160.

11. Романичева Е. С., Пранцова Г. В. От «тихой радости чтения» – к восторгу сочинительства: монография. М.: Библиомир, 2016. 232 с.

12. Смирновский П. В. О курсе чтения в четырёх низших классах гимназии // История литературного образования в российской школе:

Хрестоматия для студ. филол. фак. пед. вузов / Автор-сост. В. Ф. Чертов. Издательский центр «Академия», 1999. С. 170–177.

13. Тихомирова И. И. Добру откроем сердце: школа развивающего чтения (читаем, размышляем, выражаем в слове): Метод. пособие для руководителей детского чтения, снабжённое текстами литературных произведений для обсуждения с подростками. М.: РШБА, 2014. 344 с.

14. Тихомирова И. И. «От чтения – к творчеству жизни». Сб. статей по педагогике и психологии детского чтения. М.: РШБА, 2017. 280 с.

15. «Чтение+». Учебно-методическое пособие. Подготовка педагогов к реализации междисциплинарной программы «Основы смыслового чтения и работа с текстом» / Автор-составитель: Т. Г. Галактионова. М.: РШБА, 2018. 164 с. и др.

4. Внеклассное чтение и воспитание талантливого читателя

*Литературе так же нужны талантливые читатели,
как и талантливые писатели...
Художник-автор берёт на себя только часть работы.
Остальное должен дополнить своим
воображением художник-читатель.
Самуил Маршак*

*Оказывается, перечитывать
увлекательнее вдвойне.
Юрий Олеша*

Одним из действенных путей привития навыка и потребности постоянного общения с книгой является внеклассное чтение. Ниже представлена программа внеклассного чтения, рассчитанная на работу в 9–11 классах. Мы назвали свою программу «Писатели-читатели о писателях». Такая программа даёт возможность увидеть, как об авторах изучаемых школьниками произведений писали их собратья по перу и современники, и те, кто жили в более поздние исторические времена. В такой ситуации писатели выступают в роли читателей, то есть оказываются в одном положении с теми, кто сегодня обратился к книгам Пушкина и Лермонтова, Толстого и Тургенева, Маяковского и Шолохова... Такой художественный материал может быть использован и для создания более обширных и глубоких представлений учащихся о личности изучаемых авторов, и для анализа конкретных произведений.

Литературный материал, составляющий основу программы, подобран таким образом, чтобы он являлся своеобразным изображением пути, пролегающим между писателем и читателем. Ведь это необычайно интересно не только для старшеклассников, но и для любого грамотного, просто любопытного читателя, сравнить, что вложил в своё произведение писатель, с тем, что сумел извлечь из этого читатель, в зависимости от возраста, душевного опыта, читательского таланта. И это – очень интересный путь, который может увлечь чтением.

Обращаясь к предлагаемым программой материалам, школьники имеют возможность наблюдать, как читают профессиональные писатели, поэты, как они, каждый по-своему, умеют увидеть, услышать знакомые и нам стихотворение, поэму, роман... Как по-разному, порой неожиданно для нас, непривычно для рядового читателя воспринимают читатели-поэты, читатели-писатели одно и то же произведение великого мастера. Мы наглядно убеждаемся в справедливости слов Г. Гейне: «Каждый видит в данной книге нечто иное, чем другой».

Ещё одна особенность предлагаемой программы заключается в том, что значительную часть её основы составляют произведения, в которых рассказывается о том, какими читателями были сами великие русские поэты, писатели-классики. Как неоднократно было замечено, «гениальные писатели обычно и гениальные читатели».

Авторы произведений, собранных в программе, не просто профессиональные писатели, поэты или критики – это люди, которые умеют вести с читателем дружескую беседу, умеют пригласить вместе с ними ещё раз перелистать страницы уже знакомого школьникам произведения. Для последних, да и не только для них, открытия, которые предстоит сделать, будут иногда поистине удивительными. В связи с этим нельзя не вспомнить Михаила Светлова: «По поэзии нужно блуждать, как по незнакомому городу, где за каждым углом ждёт тебя радостная неожиданность». Не желая подправлять большого поэта, заметим, «блуждать» можно и по хорошей прозе.

Принципиально важным моментом реализации возможностей предлагаемой программы является то, что обращённые к ней школьники вправе не соглашаться с некоторыми мнениями писателей-читателей, в их оценке того или иного произведения или всего творчества в целом. Как и любой читатель, художник слова субъективен и имеет право на такую субъективность. Другое дело, что, ознакомившись с его точкой зрения, с его позицией, каждый из читателей-школьников имеет возможность с помощью

того же художественного произведения, о котором идёт разговор, опровергнуть или подтвердить их справедливость. К тому же иногда писатели, чьи произведения встречаются в программе, вступают в полемику друг с другом. А школьники (не только на уроках внеклассного чтения) имеют возможность включиться в такой спор, попытаться разобраться в том, кто из них ближе к истине.

И ещё одна принципиально важная идея является частью задач при реализации данной программы по внеклассному чтению. О ней великолепно сказал поэт Андрей Тарханов в стихотворении «О доброте», которое имеет эпиграф из Бетховена: «Главное для творца – быть добрым».

Одного таланта мало,
Прока нет без доброты!
Нам её недоставало
Вечно в годы маеты.
Родилась она, наверно,
В тот лохматый, дикий век,
– Красоте парящей серны
Удивился человек.
Сразу стал добрее дома,
Больше мяса дал жене.
Ночью он при звуках грома
Вспомнил о своей вине.
Ах, как был жестоким часто!..
Тем же ныне мы грешны.
И, потворствуя несчастьям,
Мы не чувствуем вины.
Что случилось, люди, с нами?!
Почему душа молчит?
Почему она утрами

Равнодушно в небо зрит?..
Глянул я в седые дали –
Пушкин к милости зовёт.
Потому в него стреляли,
Что его любил народ.
Чехов, Лев Толстой и Гоголь
Возносили доброту.
И хотя она от Бога,
Но в миру её дорога!
С ней познаем красоту.

В 9-м классе, речь о программе которого пойдёт ниже, работу можно начинать с этого стихотворения.

9 класс

Корпус текстов программы по внеклассному чтению для 9 класса составили произведения писателей XX века, посвящённые А. Пушкину, М. Лермонтову, Н. Гоголю. Это прозаические произведения и лирика, критические статьи, в которых авторы в своём художественном видении рассказывают о жизни и творчестве тех, с кем учащиеся довольно основательно знакомятся на уроках русской литературы в 9-м классе. Программу по внеклассному чтению необходимо рассматривать как дополнительное чтение. Одна из идей такой программы заключается в том, что к произведениям Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Гоголя настоящий читатель будет обращаться не только тогда, когда их «положено изучать по школьной программе». Поэтому принципиально важно рассказать подрастающему поколению о том, почему и как те, кто сами имеют непосредственное отношение к художественному творчеству, обращались и возвращались к произведениям тех, кого школьники изучают по школьной программе.

Возможно, кому-то из учащихся, а то и учителей, некоторые тексты покажутся сначала слишком сложными (из-за серьёзности изложения, из-за сравнения известных школьникам произведений с теми, которые ещё не прочитаны, из-за большого количества незнакомых слов). Вернуться к этим текстам можно будет позже – в 10–11-х классах, когда будет сформировано некое общее представление о русской литературе всего XIX века. Скорее всего, данное предупреждение относится к отрывкам из книг Б. Бурсова, В. Турбина, рассказам Ю. Нагибина, С. Гейченко и некоторым другим.

Биографии А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя изучаются по школьной программе, учащиеся знакомы с основными фактами их жизни. Существенным дополнением этих знаний могут быть произведения программы, в которых на основании своего читательского опыта современные писатели с помощью воображения, фантазии реконструируют какой-либо эпизод из жизни великого писателя XIX века.

Несмотря на то, что рассказ Ю. Нагибина «Царскосельское утро» и маленькая повесть К. Паустовского «Разливы рек» не претендуют на документальную достоверность, а рассказы Ю. Ракова и С. Гейченко имеют документальную основу, всех их объединяет стремление разбудить воображение читателя, чтобы он представил великого писателя, поэта как живого человека, ощутил его в сложном переплетении жизненных впечатлений, почувствовал его настроение, понял или приблизился к понимаю его иногда противоречивых поступков, увидел отражение личности поэта, писателя в своеобразии его творчества.

В программе по внеклассному чтению «Писатели-читатели о писателях» для 9 класса чаще всего используются лишь отрывки из книг, статей, почти все они даны в сокращении. Разумеется, такой подход несколько искажает общее представление о книгах, статьях, рассказах. Мы, однако, при этом исходили из того, что, возможно, познакомившись с фрагментами, кто-то из школьников в будущем захочет прочитать полностью глубокую, мудрую книгу Бориса Бурсова о личности Пушкина.

Возможно, это будут книги Владимира Турбина с его своеобразной трактовкой художественных приёмов Гоголя, Лермонтова, характеров их героев.

Кого-то заинтересуют эмоциональные, задорные, интересные размышления о русских писателях Любови Кабо.

Любой читатель не сможет пройти мимо тонких, мудрых, добрых размышлений в статьях Самуила Маршака.

Подкупают читателя своей доверительностью, уважительные по отношению к молодому читателю обстоятельные беседы Натальи Долининой о крупнейших произведениях русской литературы XIX века.

Кто-то обязательно захочет узнать о том, как писатель Юрий Манн сам отвечает на те вопросы о произведениях Н. Гоголя, которые он задаёт читателю. И в этом случае школьник будет иметь возможность убедиться в том, что чтение литературоведческих, критических работ может оказаться порою не менее захватывающим, чем чтение самих художественных произведений...

Возможно, в результате обращения к названным выше и другим произведениям программы школьники согласятся с утверждением Юрия Олеши, представленном нашим вторым эпиграфом...

А. С. Пушкин

Начинать работу, как было отмечено выше, можно со стихотворения А. Тарханова и выяснения вопроса о том, видят ли сегодняшние школьники доброту в произведениях А. С. Пушкина. А рядом можно вспомнить стихотворение Анны Ахматовой «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен гулко и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни.

1911

В продолжение разговора, начатого благодаря стихотворению А. Тарханова, главным должен быть вопрос о том, почему в 1911 поэтесса говорит о том, что «столетие мы лелеем» даже «шелест шагов» поэта. Может быть, потому, что он из тех, кто «возносил доброту»?

Рассказ **Юрия Нагибина «Царскосельское утро»** представляет читателю Пушкина-лицеиста в интересных наблюдениях писателя за его поведением с окружающими, манерой мыслить, понимать мир, видеть своих однокашников и давать им выразительно краткие характеристики.

Всего лишь несколько выразительных отрывков из этого рассказа:

«Пушкин проснулся мгновенно и таким свежим, будто не было одури семичасового сна. И сразу почувствовал своё худое, горячее тело. Он спал под одной лишь простынёй, да и та неизменно сбивалась комом в ногах, а утра последних майских дней слюдили приморозком распахнутое окошко, и всё же кожа была так сухо-горяча, будто её нажарило летнее солнце <...> Он вскочил резко, упруго и бесшумно, как хищный зверь, окунул полотенце в ведёрко с водой, стоявшее в тумбочке ночного столика, и обтёрся с головы до ног. Натягивая панталоны, носки и рубашку, он прислушался к тишине спящего Лицея.

За перегородкой крепко спал уравновешенный, спокойный Пущин, он просыпался на том же боку, на каком и засыпал, но снились ему неизменно — по собственному признанию — девы; тихо дремал Дельвиг, днём он пребывал в полусне, ночью — в полуяви; беспокойно и шумно — с возгласами, бормотанием и всхлипами — спал Кюхельбекер; образцово спал аккуратный Корф, и барственно, с носовыми руладами — сиятельный Горчаков. Каждый

спал, как умел, по устройству своему, привычке и жизненному положению, но сейчас важно было другое: как обошёлся Морфей с дядькой Леонтием.

Дядька спал всегда по-разному, и порой казалось, что он – вольно или невольно – пародирует сон воспитанников... Сейчас Леонтия не было слышно, но в каком образе он пребывал, – безопасном или чутком, – сказать трудно <...>

В последнее мгновение Пушкин всё же чуть не остался дома, и, конечно, не из страха перед дядькой. Он случайно глянул на конторку с оглодками перьев и чёрно-измаранным листом бумаги – незаконченный ноэль, который он обещал прочесть вечером друзьям своим – гусарам. Но образ ждущей, обмирающей от страха Натальи пересилил.

Держа башмаки в руках, Пушкин осторожно отворил дверь. Его комната была крайней по коридору и находилась рядом с каморкой дядьки. Дверь туда была открытой. Леонтий спал непробудным сном <...>

Пушкин обулся и бесшумно направился к двери на другом конце коридора. Несмотря на ранний час, многие лицеисты не спали. Кто-то молился – монотонно и упрямо, кто-то напевал сквозь зубы, видимо, бреясь, кто-то бормотал стихи. И рифмованные строчки, как всегда, приманили Пушкина. В каждом молодом стихослагателе он чувствовал брата, даже в гладеньком и чем-то гаденьком Олосеньке Илличевском, даже в кривляке Яковлеве, хотя его поэтические опыты были случайны и ничтожны, не говоря уже о близком всей кровью, одарённом, пусть и чертовски ленивом Дельвиге или благородном безумце и добряке Кюхле.

Пушкин верил: когда господь бог ещё качал колыбель новорождённого человечества, люди говорили стихами – это проще, красивее и более соответствует высокой сути человека, нежели спотыкливая проза. Лишь когда человек окончательно отвернулся от неба и утратил свободу духа, он перестал петь свои мысли и чувства и забормотал презренной прозой... С тех пор люди мучительно продираются друг к другу сквозь прозу, ничем не помогающую говорящему или слушающему – ни ладом, ни полётом, облегчающим схват нужного слова, ни ритмом, строящим речь. Но придёт

время, и люди опять заговорят стихами, и то будет возвращение изначальной гармонии.

Наверное, память о праречи человечества и заставляет юные, послушные естественным велениям души выражать себя через поэзию. Вот и Олосенька, зная, слышал тайный зов. Пушкин сдержал шаг возле его двери и прислушался <...> Но слово “древо” в описании отнюдь не библейского, а чащобного русского леса мгновенно обозлило его (неужели, живя посреди царскосельских садов, Илличевский так и не научился различать деревья?), а дикий глагол “вопить” заставил по-обезьяньи вздёрнуть верхнюю губу и отскочить прочь <...>».

В рассказе Юрия Нагибина есть и своя приключенческая нота, и размышления юного поэта о настоящей поэзии, и свой взгляд на мир.

Отрывок из книги **Любови Кабо «Наедине с другом»** (1985), который называется **«Совет в Филях»**, рассказывает о том, как Пушкин пришёл к человеку второй половины XX века, пришёл и помог словом, умением жить и любить жизнь, понимать, что без трудностей в ней не обойтись. И называет героиня поэта другом. Возможно, предлагаемые для чтения отрывки помогут и сегодняшнему читателю найти в Пушкине друга...

Любовь Кабо
Совет в Филях
(отрывки из книги «Наедине с другом»)

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте,
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины...*

Борис Пастернак

Любила я в юности одного человека. Любила – как тяжёлую работу делала. То он отвечал мне взаимностью, и тогда я словно на крыльях летала; то вдруг откидывал от себя на тысячу вёрст, и молодому отчаянию моему не было тогда предела. Видно, не очень это хорошо, не всегда хорошо, когда сверстники ровня. Потому что женщина, сколько бы ей ни было лет, даже очень юная женщина, найдёт избранника – и всё, и ничего ей больше для личной жизни не надо; дом, семья. А мужчина думает: как это так – всё? Я же ещё ничего не видел!.. Конечно, какой мужчина, какая женщина, но тут очень уж, видно, типический случай.

Но я не о том сейчас. Я о том, как он меня откинул однажды; меньше всего именно в ту минуту, в той ситуации я этого ждала. Что было делать? Вот так, элементарно, – в этот день, в следующий, – что было делать, куда идти? Дома – любящие родители. Переполошатся: голубчик, что с тобой? Расстроятся тоже или, того хуже, обо всём догадаются. Однокурсники станут любопытствовать: что с тобой? Такая вроде весёлая всегда... И уехала я к подружке в Фили, в барак. Тогда на том месте, где сейчас возвышается панорама Бородинской битвы, были рабочие бараки. Подружка ушла в институт, а я заперлась до её возвращения в её комнате: тут уж мне никто не помешает.

Ревела. Часа два ревела взахлёб. Вы извините мне такое просторечие, не говорить же о себе высокопарно: рыдала, билась... Дело, между прочим, было нешуточное. В девятнадцатом веке героини от меньшего заболевали нервной горячкой, их увозили за границу лечиться.

А из меня героиня романа не получалась. Потому что – сколько можно вот так предаваться отчаянью? Жить дальше не хочется, это верно. Незачем дальше жить. Но ведь и с собою кончать – не хочется. Сижу вздыхаю. Ещё сидеть и сидеть, пока подружка вернётся. И не всё ли равно – что делать, где сидеть, если завершилась, кончилась моя жизнь, ничего хорошего в ней уже никогда не будет.

И тут я увидела на подоконнике единственную в этой неказистой комнате книжку. Лирика Пушкина. Ну, этого я знаю, другое бы что-нибудь!

Вздыхая и скучая, открыла. С самого начала открыла, с лицейских стихов. «Медлительно влекутся дни мои, и каждый миг в сердце множит все горести несчастливой любви...». Даже усмехнулась: что ты понимаешь в этих горестях, семнадцатилетний мальчик! Ты до наших взрослых лет, до девятнадцати доживи... «Играйте, пойте, о, друзья! Утратьте вечер скоротечный...». Мальчик... «Сквозь слёзы улыбнусь я...». Да, и так бывает. Вот и я сейчас – то же самое: улыбнулась – сквозь слёзы... «А я, повеса вечно праздный, потомок негров безобразный, возвращённый в дикой простоте, любви не ведая страданий, я нравлюсь юной красоте бесстыдным бешенством желаний...». Такое плавающее, обжигающее – «бесстыдным – бешенством» – это Пушкин? «Звезда печальная, вечерняя звезда...» Нежное, задумчивое – он же?..

Словно никогда не читала, всё вновь! От первой строки до последней, через всю его жизнь. «Простишь ли мне ревнивые мечты, моей души безумное волненье?...»; «Я вас люблю, хоть и бешусь, хоть это труд и стыд напрасный...»; «Я вас любил, любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...». Сколько любви – и разной! До этого последнего: «Исполнились мои желания. Творец тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна...». Словно прохладную руку – на горящий лоб!.. «Ты предаёшься мне нежна без упоенья, стыдливо-холодна, восторгу моему едва отвечаешь...».

А сколько жизни вокруг него, ведь не только любовь, сколько вместились и дружеских встреч, и разлук, и разочарований: и «с вами снова я», и «снова тучи надо мною собрались в тишине...», и «слово», звук «пустой», и величавый «Памятник»: нет, не пустой звук слово! И «я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю», и то последнее 19 октября в его жизни, когда хотел – и не смог написать о царе, не написалось... Всё живое. Всё громадное, то, что называется Пушкин, – сложная его судьба, летящие, как почерк его, мысли, все те люди, которые имели счастье – и всегда ли его ценили? – счастье прикосновения душою к такой душе... «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе грядущего волнуемое море...». Стоп! Вот

так раздумчиво, твёрдо, как что-то само собой разумеющееся: «Мой путь – уныл»... А дальше? «Но не хочу, о други, умирать...». Вот и я не хочу. Что делать, Пушкин? «Я жить хочу...». Да, да, хочу жить! Очень! «...Чтоб мыслить и страдать».

Он всему открыт, всё понимает. Рядом с ним ничего не страшно. Такой удивительный человек, рядом с нами: уязвимый, беззащитный, как и все мы, бесстрашный, как очень немногие из нас. Жить, чтоб страдать? Конечно. Чтоб мыслить? Ну, это уж как получится. «Я слёзы лью; мне слёзы утешенье...». Может быть, между прочим, никаких утешений уже не будет, что из того? Если уже ничего не страшно.

«На свете счастья нет, но есть покой и воля...». А я-то, я, о счастье, глупая! Есть, конечно, счастье, мне ли не знать? Потому и ревела только что. Но счастье это – разное. Вот и к этому я, наверное, когда-нибудь ещё приду: покой, воля. Освобождение от всех этих изнурительных страстей. Наверное, приду и к этому, потому что Пушкину – верю.

Ах, какая жизнь – от безмятежного мельтешения отрочества до умудрённого, завещательного «Здравствуй, племя молодое, незнакомое!..» До этого вот «игралища таинственной игры», над которым стоит многое переживший человек в безответном раздумье.

Вот так, помнится, меня, распухшую от слёз девчонку, взял Пушкин за руку и утешил, взбодрил. Он не говорил: «Горя не будет больше». Он говорил: «Будет горе. Может, ещё и большее горе будет, только ты не бойся, ты выдержишь...». Он что-то одному ему известное измерил в своём собеседнике и поверил ему. Я Пушкину поверила, а он, между прочим, поверил мне. И уже здоровую, уже ничего не боящуюся, уже готовую ко всему вывел за руку обратно к людям. Вот так мы с Пушкиным посидели в Филях. Посовещались.

Я ведь всё это к чему рассказываю? К тому, что удивительные есть у нас собеседники: умнейшие люди России. И большой современный поэт Борис Пастернак, стихи которого я в эпиграфе цитировала, именно о них

сказал, видимо, в другом своём стихотворении: о том, что путь в завтрашний день расчищают «откровенья, бури и щедроты души воспламенённой чьей-нибудь». Есть у нас эти собеседники – с «воспламенённой душой», собеседники, готовые щедро делиться всем, что ими передумано и пережито.

А раз уж они есть, захотелось мне поговорить с ними, с русскими писателями, о вещах, которые нас с вами интересуют. Поговорить свободно, вот как с Пушкиным в Филях толковала. Ни на какую строгую научность не претендуя, потому что какая уж в моей беседе с Пушкиным была научность! Утверждая вещи заведомо спорные, даже, может быть, ошибаясь в чём-то, – без этого, как мы понимаем, свободного разговора нет.

К этому и вас приглашаю: подумаем вместе, поговорим. О любви? И о любви, конечно. Русская литература не зря, очевидно, испытывала своих героев любовью. Умение любить или неумение любить – не с этого ли, прежде всего, начинается человеческий характер? Умение быть счастливым – в любых обстоятельствах, какие бы ни предложила жизнь, – и неумение быть счастливым даже в обстоятельствах благоприятных; встречается, к сожалению, и такое.

А как зависишь в юности от окружающих, как томит подчас их непонимание, иногда действительное, иногда только кажущееся, каким одиноким чувствуешь себя! Только ведь и решаешь единственную эту проблему: я и человечество, человечество и, между прочим, я! Нет писателя, который не говорил бы об этом иногда напрямую, иногда – всей своей судьбой. И разве не хочется спросить опытного и, казалось бы, невозмутимого человека: как удалось ему со всем этим совладать и закалить свою душу? Иным удалось, иным так и не удалось, они сами вам об этом расскажут.

Каждого из них мучило своё, так же как и всех нас мучает своё: одному надо, чтоб все окружающие его любили, необходима гармония с миром, ему без этого жизни нет; другому важно, чтоб любил единственный, третьему вообще ничьей и никакой любви не надо, важно, чтоб ему подчинялись, его

слушались. Трудно всё. И не всегда ясно, откуда же она протянется, дружеская рука. Мне, как я только что говорила, в памятный, очень трудный день помог Пушкин, – неожиданно, вдруг! А кто поможет вам, и тоже неожиданно: Достоевский, Толстой? Может быть, Тургенев? Чехов, может быть? Или очень сегодняшний и очень умный писатель Герцен? Современный молодой человек, он ведь многому открыт, он, мне кажется, умней, чем мы в его годы были...

«Цель художника, – писал Толстой, – не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях».

Вот и это ещё – самое важное, быть может! – любить жизнь!..

Много интересного узнаёт читатель, обратившийся к **«Заметкам о сказках Пушкина» Самуила Яковлевича Маршака**, о том, каково **«Слово в строю»** в творчестве поэта, **«О звучании слова Пушкина»**, **«О линейных мерах»...**

По предлагаемой программе учащиеся могут воспользоваться предложением **Нatalьи Долининой «Прочитаем “Онегина” вместе»** (1968).

Используя книгу **Бориса Бурсова («Судьба Пушкина»)**, в рамках предлагаемой программы можно познакомить учащихся с одним из вариантов в представлениях о том, как и почему сложилась судьба поэта.

Андрей Дементьев в лирическом пространстве делится сном, в котором **«Пушкин был спасён»**:

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён
Сергеем Соболевским.
Его любимый друг
С достоинством и блеском
Дуэль расстроил вдруг.

Дуэль не состоялась.
Остались боль да ярость,
Да шум великосветский,
Что так ему постыл...
К несчастью Соболевский
В тот год в Европах жил.
А мне приснился сон,
что Пушкин был спасён.
Всё было очень просто:
У Троицкого моста
Он встретил Натали.
Их экипажи встали,
Она была в вуали,
В серебряной пыли...
Он вышел поклониться,
Сказать, что «пусть не ждут»...
Могло всё измениться
В те несколько минут.
К несчастью, Натали
Была так близорука,
Что, не узнав супруга,
Растаяла вдали.
А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...
Под дуло пистолета,
Не опуская глаз,
Шагнул вперёд Данзас
И заслонил поэта...
К несчастью, пленник чести
Так поступить не смел.
Остался он на месте

И выстрел прогремел...
А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

1977

М. Ю. Лермонтов

В продолжение той идеи, согласно которой в связи с А. С. Пушкиным было обращено особое внимание на присутствие поэта в жизни современного человека, можно дать учащимся возможность увидеть творчество М. Ю. Лермонтова и его судьбу в восприятии поэта XX века **Евгения Евтушенко**. Это могут быть отрывок из поэмы «**Братская ГЭС**» (1965) и стихотворение «**Лермонтов**» (1964).

Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.
Поэт в ней – образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него.
Сумею ли? Культуры не хватает...
Нахватанность пророчеств не сулит...
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...
Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,

свою пленительную участь –
как бы шая, глаголом жечь.
Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра –
лампада тайного добра.

Стихотворение открывает возможности сопоставления двух поэтов России, сопоставления с целью выявить наиболее характерные особенности творчества, настроений, манеры письма. Не менее важен для формирующегося читательского сознания и вопрос о том, что скрывает за собой поэтическая формула «Поэт в России – больше, чем поэт».

В стихотворении «Лермонтов» Евтушенко создаёт образную характеристику поэта, в которой снова слышна пушкинская реминисценция:

О ком под полозьями плачет
сырой петербургский ледок?
Куда этой полночью скачет
исхлёстанный снегом седок?
Глядит он вокруг прокажённо,
и рот ненавидяще сжат.
В двух карих зрачках пригвождённо
два Пушкина мёртвых лежат.
Сквозь вас, петербургские пурги,
он видит свой рок впереди,
ещё до мартыновской пули,
с дантесовской пулей в груди.
Но в ночь – от друзей и от черни,
от впавших в растление и лень –

несётся он тенью отмщенья
за ту неотмщённую тень.
В нём зрелость не мальчика – мужа,
холодная, как остриё.
Дитя сострадания – муза,
но ненависть – нянька её.
И надо в дуэли доспорить,
хотя после стольких потерь
найти секундантов достойных
немыслимо трудно теперь.
Но пушкинский голос гражданства
к барьеру толкает: «Иди!»
...Поэты в России рождались
с дантесовской пулей в груди.

Книга **Натальи Долининой «Печорин и наше время»** (1970) будет интересна и полезна как с точки зрения анализа образа главного героя романа М. Ю. Лермонтова, так и подробностями мирозерцания самого поэта, отразившимися в этом герое, в романе вообще. Тем более, что автор размышлений о Лермонтове и его герое уверена в том, что «пятнадцатилетний читатель» обязательно откликнется всей душой. Для наглядности представим лишь несколько отрывков из этой книги.

Печорин и наше время (отрывки из книги)

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел,

И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

Что такое для нас Лермонтов? Как объяснить то ощущение грусти, и нежности, и тоски, и гордости, которое охватывает, едва открываешь томик его стихов, едва бросаешь взгляд на странное молодое лицо с печальными глазами; некрасивое и прекрасное лицо обречённого на долгие страдания и на короткую жизнь человека?

Почему именно Лермонтов? Не Тютчев, не Блок – поэты столь же громадного таланта, а именно Лермонтов стал непреходящей печалью и тайной любовью чуть ли не каждого молодого человека, и вот уже полтора столетия его стихи, его проза, его судьба воспринимаются миллионами людей как очень личное переживание, и каждый в свой час открывает Лермонтова для себя одного, ревниво бережёт его глубоко в душе.

В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...

(«Русская мелодия», 1829)

Пятнадцатилетний читатель откликается всей душой: «Да, и я связал, и у меня так же, но я не умею сказать об этом, – ОН сказал за меня». У взрослого сжимается сердце, и память о своих пятнадцати годах сплетается с жалостью к мальчику, который в пятнадцать лет мог написать такое и страдать, и погибнуть в двадцать семь!

Грустный, печальный, отчаявшийся Лермонтов – почему он так нужен всем, и людям весёлым, жизнерадостным – тоже?

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.

(«К», 1832)

В молодости хочется быть гордым и одиноким, страдать, отвергать, быть отвергнутым – в молодости человеку так хочется жить, что и горести кажутся ему привлекательными; самое страшное для молодого человека – прожить жизнь пусто, без бурь душевных, без страстей.

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастью назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

(«Я жить хочу! Хочу печали...», 1832)

В молодом отчаянии Лермонтова я вижу такое бурное жизнеутверждение, какого не найдёшь в целых томах по видимости оптимистических стихов. Может быть, это жизнеутверждающее отчаяние и привлекает к нему молодых людей? «А он, мятежный, просит бури...». Становишься старше – и привлекает уже не молодая мятёжность Лермонтова, а непонятная, тревожащая, необъяснимая зрелость его мысли, точность зрения:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка...
...Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе...

(«Когда волнуется желтеющая нива...», 1837)

Было бы не удивительно прочесть такие стихи у зрелого поэта, немолодого, много пережившего человека. Лермонтов написал их в двадцать три года.

Юрий Николаевич Тынянов писал о Блоке: «...во всей России *знают* Блока как человека... Откуда это знание?.. Здесь может быть ключ к поэзии Блока... Блок – самая большая лирическая тема Блока».

Эти слова можно сказать и о Лермонтове. Он сам, Михаил Юрьевич Лермонтов, – лирический герой почти всех своих стихов; мы все знаем его как человека – с его одиночеством, бурной тоской, предчувствием ранней своей гибели – и всегда со страстной энергией, отчаянной жадной деятельности, счастья:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

(«Желание», 1832)

Это стихотворение явно перекликается с написанным в том же году «Парусом». Но почему «жизнь и воля» представляются поэту «чуждой долей»? Почему парус «просит бури»?

В 30-е годы XIX века честному, умному, активному человеку некуда было приложить свои силы: всякая попытка действовать и мыслить самостоятельно пресекалась: Николаю I нужны были послушные чиновники, а не мыслящие люди. Жизнь должна была идти тихо. Без бурь. В этой давящей тишине в литературу вошёл Лермонтов.

В тринадцать-четырнадцать лет он уже ощутил обречённость своего поколения на бездействие. Всё складывалось трагически: мать умерла так рано, что он её почти не помнил; отец и бабушка ссорились. Угрюмый, замкнутый мальчик научился сторониться людей – он ни от кого не ждал добра.

В юности Лермонтова не было света и веры. Он вырос в душевной пустыне и жил в ней, и сам себя на неё обрекал, и не мог из неё выбраться. Среди отчаянной пустоты той жизни, которой он жил, оставалось одно: сохранить то, что старался уничтожить в своих подданных Николай I, – свободу мысли и духа. Сохранить интерес к людям. Пытаться понять их души, их трагедию.

Это он и делал всю свою жизнь. Пятнадцатилетним мальчиком он написал «Монолог»:

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.

К чему глубокие познания, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,

Когда мы их употребить не можем?

Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Лермонтова. Среди его ранних стихов немало наивных, несовершенных, просто слабых, но во всём, что он писал в юности, уже видна его личность, виден рано сформировавшийся и рано отчаявшийся человек.

...Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд её мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит.

Так кончается стихотворение «Монолог», написанное пятнадцатилетним мальчиком. Это не обычный юношеский пессимизм, Лермонтов ещё не умел объяснить, но уже заметил и понял, что человек не может быть счастлив, лишённый возможности действовать. Через десять лет после «Монолога» он напишет роман «Герой нашего времени», где объяснит психологию своего поколения и покажет безысходность, на которую обречены его сверстники <...>

...«Герой нашего времени»... Эта тоненькая книжечка вобрала в себя всё: весь человеческий и литературный опыт автора. В Печорине – страдания Юрия Волина и Владимира Арбенина, в нём одиночество и опыт, и зрелость, и безумные надежды Евгения Арбенина из «Маскарада», в нём раздвоенность Александра Радина и силы необъятные Мцыри, Демона; как «парус одинокий», он «ищет бури» – в нём всё.

Откроем книгу. Ей предпослано предисловие. Прочтём его. «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики».

Предисловие коротко: полторы небольших странички. Четыре абзаца. Первый – о публике, которая «так ещё молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце её не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана».

Зачем Лермонтову понадобилось обвинять читателя, только что открывающего книгу, в дурном воспитании? <...>

Мы останавливаем цитирование книг Н. Долининой в том месте, где она задаёт вопрос, связанный непосредственно с анализом романа «Герой нашего времени». Для принявших её предложение «прочитать “Печорина” вместе» в этой книге ещё много интересных и важных вопросов.

Учащиеся станут свидетелями тонких научных наблюдений, обратившись к тому разделу книги **Владимира Турбина «Пушкин. Гоголь. Лермонтов»**, в котором он анализирует своеобразие дневника Печорина как отражения сущности мировоззрения автора.

Для тех, кто уже знает о жизни Лермонтова на Кавказе, о том, как эта жизнь отразилась в его творчестве, весьма полезно будет познакомиться с версией этой жизни, которую даёт **Константин Паустовский** в рассказе «Разливы рек» (1954).

Ираклий Андроников представлен в программе «Рассказами о Лермонтове». Плодотворным, как показывает опыт, является использование аудиокниги: «Ираклий Андроников “Слово о Лермонтове”»: Рассказ о жизненном пути и творчестве М. Ю. Лермонтова. Читает автор. Запись 1960 г. Издательство: «ИДДК» (2013).

О своём восприятии одного из самых известных стихотворений М. Ю. Лермонтова может рассказать **Булат Окуджава** в стихотворении «Парус»:

Срывался голос мой высокий,
Когда я в раннем детстве пел:
«Белеет парус одинокий», –
И он белел, белел, белел...
Те дни прошли, и мир широкий
Раскинулся передо мной...
Белеет парус одинокий
Всё той же чистою звездой.
Белый парус – тонкое крыло,
Только б это было, только б не прошло...

Белый парус детства моего,
Ты белей, мой парус, больше ничего.
Пусть жизнь моя, как путь жестокий,
Мне в кровь подошвы изобьёт, –
Белеет парус одинокий
И за собой зовёт, зовёт.
И если вдруг удел высокий
Дарован будет мне судьбой, –
Белеет парус одинокий
Крылом надежды надо мной.
Белый парус – тонкое крыло,
Только б это было, только б не прошло...
Белый парус детства моего,
Ты белей, мой парус, больше ничего.
Срывался голос мой высокий,
Когда я в раннем детстве пел:
«Белеет парус одинокий», –
И он белел, белел, белел...

Можно предложить учащимся послушать песню на эти стихи в исполнении их автора.

Но главное заключается в том, чтобы дать школьникам поразмышлять над тем, чем привлекал образ, созданный Лермонтовым, поэта XX столетия и могут ли они сегодня утверждать, что нечто подобное, близкое способен испытывать и читатель нашего времени.

Н. В. Гоголь

Обращение к литературе, посвящённой Н. В. Гоголю, в предлагаемой программе начинается с двух стихотворений:

Игорь Северянин «Гоголь»

Мог выйти архитектор из него:
Он в стилях знал извилины различий.
Но рассмешил при встрече городничий,
И смеху отдал он себя всего.
Смех Гоголя нам ценен оттого, –
Смех нутряной, спазмический, язычий, –
Что в смехе древний кроется обычай:
Высмеивать своё же существо.
В своём бессмертье мёртвых душ мы души,
Свиные хари и свиные туши,
И человек, и мёртвоекий Вий –
Частица смертного материала...
Вот, чтобы дольше жизнь не замирала,
Нам нужен смех, как двигатель крови...

Самуил Маршак

Всё то, чего коснётся человек,
Приобретает нечто человеческое.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.
Мосты и переулки говорят,
Беседуют между собой балконы,
И, у платформы выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.
Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад – Онегина глава.

О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.
Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идёт к финляндским скалам,
Мне в сотый раз подробно рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.
А там ещё живёт петровский век
В углу между Фонтанкой и Невой...
Всё то, чего коснётся человек,
Озарено его душой живою.

В разговоре с учащимися о первом стихотворении главным будет вопрос о ценности гоголевского смеха и о том, сохранил ли этот смех свою ценность в наше время. А второе стихотворение даёт возможность поразмышлять с учащимися над тем, чего касался писатель Н. В. Гоголь, в чём смысл таких его касаний. Небесполезно будет поразмышлять и над тем, как это «Страницей Гоголя ложится Невский».

Рассказ **Юрия Ракова «В Столярном переулке»**, написанный словно бы от имени самого Гоголя, поможет конкретизировать, перевести в плоскость реальных деталей и подробностей то, о чём говорили поэты И. Северянин и С. Маршак.

В Столярном переулке

Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал.

Н. В. Гоголь

Сколько самых затаённых надежд он связывал с этим городом! Одна картина красочнее другой проходила перед его глазами. Вот он бредёт по берегу Невы (дом, где он поселится в Петербурге, обязательно должен выходить окнами на Неву), вот он, горя желанием верой и правдой служить человечеству, спешит службу. Какую службу – он ещё ясно не представлял

себе, лучше всего по делам юстиции. Вот вечером идёт он в театр по залитому огнями Невскому. Только там, в Петербурге, сможет он быть полезен Отечеству, он будет писать, закончит поэму «Ганц Кюхельгартен», начатую в Нежине, или поступит в театр. Ведь он с таким успехом выступал на сцене в Нежинской гимназии высших наук... Его не пугало письмо рассудительного Высоцкого, окончившего гимназию два года назад. Приятель сообщал о холоде и дороговизне. Пусть так. Он будет жить экономно.

...В апреле 1829 года, спустя четыре месяца по приезде в Петербург, Гоголь вместе со слугой Якимом поселился в доме каретного мастера и фабриканта Иохима на Большой Мещанской (ныне ул. Плеханова, 39). Столярный переулок упирался в этот дом. Начало этого переулочка – пересекающая его Большая Мещанская, а конец – Екатерининский канал, или, как все называли тогда, просто «канава». Здесь Столярный заканчивался Кокушкиным мостиком с чугунными перилами (по имени купца Кокушкина, владельца большого кабака, расположенного вблизи этого мостика).

До чего же пёстрая «физиономия» у дома Иохима!

...«Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, красильщика, кондитерскую, мелочную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвёртом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно» (Из письма 30 апреля 1829 года).

Хозяин дома сдавал каждый угол, каждую каморку. Иохиму принадлежало несколько домов: два на Большой Мещанской и один на углу Столярного и Средней Мещанской. Мещанские – центр каретного дела. Имя Иохима известно всему Петербургу. Кареты его несравненно более прочны и долговечны, чем у других петербургских мастеров. Но и стоят значительно дороже. Мастерские, работающие у Иохима, с таким искусством отделывают

кареты, что они славятся не только в Петербурге, но и в Париже и в Лондоне. Спустя год после смерти старого Иохима (1835 г.) Гоголь в «Ревизоре» напишет: «Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты», в повести «Невский проспект» назовёт Мещанскую, на которой стоял дом Иохима, «улицей табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф».

...Приближалось лето, а с ним и белые ночи. Поздно вечером, сидя перед угловым окном, можно читать и писать без свечей. Спать не хочется. Мучает постоянная мысль о деньгах. Может быть, попробовать свои силы в литературе? Попросить у маменьки прислать побольше историй, поговорок и малороссийских поверий? Или лучше всего поставить на сцене что-нибудь из малороссийских комедий отца? Возможно, тогда наконец удастся добыть эти столь необходимые деньги. Нет, он попытает счастья с «Ганцом Кюхельгартенем». Поэма в восемнадцати картинах с эпилогом – плод двухлетней работы, тщательно скрываемый от всех. Он должен издать поэму в лучшей типографии. Он бросит вызов жестокому миру. Пожалуй, не стоит открывать своё имя. Пусть будет так: «Сочинение В. Алова». В предисловии он пишет: «Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только автора, не побудили его к тому. Это произведение его восемнадцатилетней юности».

Для издания книги в 600 экземпляров необходимо внести в типографию госпожи Плюшар немалую сумму – 300 рублей. Где взять их? Рука не поднимается писать матери об этом. Он и так в неоплатном долгу перед ней. Собрать такую сумму ей будет очень непросто. Однако у него нет иного выхода. И с тяжёлым чувством Гоголь садится за письмо.

«Наконец я принуждён снова просить у вас, добрая, великодушная моя маменька, вспомоществования. Чувствую, что в это время это будет почти невозможно вам, всеми силами постараюсь не докучать вам более, дайте только мне ещё несколько времени укорениться здесь, тогда надеюсь как-нибудь зажить своим состоянием. Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей».

Он получил эти деньги, а вместе с ними и несколько историй из украинской жизни и быта.

«Ганц Кюхельгартен» вышел в свет 5 июня 1829 года. Несколько экземпляров Гоголь посылает Плетнёву и Погодину. Три недели он как в бреду. В газетах и журналах ни звука о его книге. Время словно остановилось. Уже несколько раз он приходит в книжную лавку Сленина на Невском проспекте. Его книга красуется на витрине, но публика равнодушно проходит мимо. То же у Смирдина в книжном магазине у Синего моста. Приказчик говорит, что не продано ни одного экземпляра. Гоголь утешает себя тем, что сейчас летнее время, публика на дачах, да и фамилия автора никому не известна. Он всё ещё надеется на чудо, но чуда не происходит. В «Московском телеграфе» в конце июня появляется отрицательный отзыв Н. Полевого, а затем в «Северной пчеле» Гоголь с ужасом читает статью Булгарина: «...свет ничего бы не потерял, когда бы сия попытка юного таланта залежалась под спудом. Не лучше ли б было дожидаться от сочинителя чего-нибудь более зрелого, обдуманного и обработанного».

...На Вознесенском проспекте Гоголь вошёл в гостиницу «Неаполь», спросил свободный номер. Надолго ли господину нужен номер? Всего на одни сутки. Заплатил деньги. Отправился обратно, в дом Иохима. Велел Якиму нанять извозчика.

Приказчики Смирдина, Сленина и Глазунова были поражены. Какой-то хохол с длинными висячими усами закупал у них сочинение господина Алова. Приказчики с радостью вытаскивали покрытые пылью груды книг, Яким их тут же грузил на телегу. К вечеру сотни экземпляров «Ганца Кюхельгартена» оказались в дешёвом, полутёмном номере гостиницы «Неаполь». Коридорный за пятиалтынный притащил охапку дров. Дрова были сухие, горели, звонко потрескивая. Гоголь приказал Якиму рвать книги и бросать в огонь. Сам уселся на корточки перед открытой дверцей печи и в тупом оцепенении, почти со злобой, швырял в огонь то, что было плодом его двухлетней работы.

За какой-нибудь час всё было кончено. Оставалась только гора пепла, горечь и опустошённость. Яким был мрачен. Он плёлся за своим барином в дом Иохима и что-то бурчал себе под нос. Якому было жалко уплаченных за книги денег.

Дома лежало письмо от матери. Васильевка была заложена в ссудной кассе Опекунского совета. Мать высылала Гоголю 1 450 рублей и поручала сыну внести их в уплату срочных процентов. Эту сумму Мария Ивановна получила от соседа по имению. Тот ссудил ей деньги, но отобрал в залог большой медный куб из винокурни. Помимо этого, мать сообщала некоторые малороссийские обычаи и поверья, которые могли пригодиться её Никоше.

После сожжения «Ганца» жизнь становилась невыносимой. Всё раздражало Гоголя: его каморка под крышей и весь дом с благообразным фасадом и тёмным грязным двором. Не с кем было поделиться своим горем. Данилевский, гимназический приятель, приехавший вместе с ним в Петербург, теперь в школе гвардейских подпрапорщиков. Яким не поймёт.

Даже товарищ по гимназическим спектаклям Прокопович не может вывести его из оцепенения. Голубоглазый Николай Прокопович не чужд литературных занятий. Он живо интересуется всем, что появляется в петербургских журналах, расспрашивает Гоголя о его литературных планах, но тот больше отмалчивается. Живёт Прокопович теперь вместе с Гоголем. Ещё теснее стало в комнате. За день кровля и стены её накалялись. Было душно. В открытое окно иногда залетали голуби. Ночью плохо спалось: было непривычно светло. Он лежал подолгу, уставившись невидящим взглядом в потолок. И думал. С неотвязчивой силой возникала и не давала покоя мысль уехать. Далеко, может быть, даже за границу, чтобы вернуться другим, совсем другим человеком. Чудовищная, почти безрассудная мысль. Где найти деньги на поездку? Но как магнит притягивает к себе пристань за Академией художеств. Сесть бы сейчас на корабль и отправиться в плаванье. Куда? Не всё ли равно куда, лишь бы подальше от этого города. Подальше от мыслей, как найти работу, подальше от самого себя, запертого в доме

Иохима на последнем этаже, подальше от галдящих постояльцев, «чухонских нимф», пристающих на углах Столярного, мертвецки пьяных мастеровых...

Родная матушка, поймёт ли она его? Сможет ли он когда-нибудь в жизни рассчитаться с нею за всё, что она сделала для него? Он боится ещё принять решение, от которого, он верит, зависит вся его дальнейшая жизнь в столице, – решение взять на время присланные деньги и употребить их на поездку.

Несколько дней проходит в мучительных сомнениях. Наконец он направляется в Опекунский совет, чтобы внести деньги. Неожиданно узнаёт, что, оказывается, возможна отсрочка на четыре льготных месяца с уплатой небольших процентов. А у причала за Благовещенским мостом всё ещё покачивается на волнах пароход. На этот корабль есть ещё свободные места третьего класса. Врачи ведь советовали ему отправиться на морские купания в Травемюнде под Любеком. Надо получить разрешение на отъезд и большую часть присланных денег отдать за место на пароходе. И ещё написать письмо. А это самое трудное. И вот вечером 24 июля он садится за стол в своей комнате. Гусиное перо, чернила. Но как трудно начать! Он выводит несколько слов, потом рвёт написанное...

«...Теперь, собираясь с силами писать к вам, не могу понять, отчего перо дрожит в руке моей, мысли тучами налегают одна на другую, не давая одна другой места, и непонятная сила нудит и вместе отталкивает их излиться перед вами и высказать всю глубину истерзанной души... Итак, я решился. Но к чему, как приступить? Выезд за границу так труден, хлопот так много! Но лишь только я принялся, всё, к удивлению моему, пошло как нельзя лучше; я даже легко получил пропуск. Одна остановка была наконец за деньгами... Все деньги, следуемые в Опекунский, оставил я себе и теперь могу решительно сказать: больше от вас не потребую. Одни труды мои и собственное прилежание будут награждать меня. Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внести её сполна, вы имеете полное право данною и прилагаемою мною при сём доверенностью продать следуемое мне

имение, часть или всё, заложить его, подарить и проч. и проч. ...Не огорчайтесь, добрая, несравненная маменька! Этот перелом для меня необходим... Нет, мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвести силою души в вечном труде и деятельности...»

Пройдёт несколько лет после его бегства из Петербурга, и в «Записках сумасшедшего» появятся строки, созвучные этим, строки, полные отчаянья и боли: «Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего... Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его! Прижми к груди своей бедного сироту! Ему нет места на свете! Его гонят!...»

Вместе с учащимися можно попытаться ответить на вопросы, которые литературовед **Юрий Манн** задаёт в связи с творчеством Гоголя в книге «Смелость изобретения: Черты художественного мира Гоголя».

Юрий Манн «Смелость изобретения»
(отрывки из книги)
ВОСЕМЬ ВОПРОСОВ К ЧИТАТЕЛЮ

Мне приходилось слышать от ребят два противоположных мнения о Гоголе. Одно звучит примерно так:

— Что там Гоголь... Неинтересный писатель! У него всё просто. Хлестаков хвастает, Ноздрёв дерётся и скандалит. А Плюшкин всё копит и копит: настоящий скряга, «прореха на человечестве»! Ничего неожиданного, всё сразу понятно.

Другое мнение примерно такое:

— Гоголь... вот смешной писатель! Чего только не придумал Хлестаков: и с Пушкиным он дружит, и командует министрами, мол, за ним присылают целых тридцать пять тысяч курьеров. А Плюшкин до чего дошёл: всякие

тряпочки и гвоздики подбирает везде где видит – ну прямо-таки «прореха на человечестве»! Очень смешно, потому что всё сразу понятно...

Итак, одному Гоголь очень нравится, другому очень не нравится. Но оба считают, что у Гоголя всё сразу понятно. И даже примеры приводят похожие. И почему-то о «прорехе на человечестве» обязательно вспоминают.

Тем, кто думает, что у Гоголя все просто и понятно, я хочу задать несколько вопросов.

Вы, конечно, читали «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Помните: «...два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою. И за что? За вздор, за гусака». Так вот, возникает вопрос: кто рассказывает эту повесть?

Как кто? – ответите вы. – Ясно, что Гоголь. Он ведь сочинил повесть, он и рассказывает.

– Но если Гоголь сочинил повесть, то он мог «сочинить» и рассказчика. Ну, скажем, приписать её какому-то другому лицу.

На это вы можете возразить снова:

– Гоголь сам говорит о себе в первом лице: «Я проезжал через Миргород...», «Я вздохнул ещё глубже...». Никакого другого рассказчика он не упоминает. Это не то, что гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», где выступают другие рассказчики: Степан Иванович Курочка, «гороховый панич», дьяк Фома Григорьевич...

Прочтём, однако, первую фразу «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»:

«Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! Сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие!»

Неужели это Гоголь восхищается бекешей Ивана Ивановича, завидует, что у него нет такой? Неужели это его образ мыслей и чувств?

Значит, Гоголь совершенно устраняется от повествования? Не будем спешить с ответом. Вначале подумаем.

Итак, наш первый вопрос такой:

Кто рассказывает историю ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем?

А теперь обратимся к комедии «Ревизор».

Вы помните: в уездный городок приезжает мелкий петербургский чиновник Хлестаков, которого принимают за ревизора.

Городничий Сквозник-Дмухановский, намеревавшийся обмануть приезжего, сам вместе с другими чиновниками оказался обманутым.

Почему же сплеховал Антон Антонович? Может быть, ему не хватало хитрости и опыта? Нет, городничий поднаторел в таких делах: он, по его собственным словам, «трёх губернаторов обманул».

А вот Хлестакова одолеть не удалось. Получилось, что Хлестаков его обманул: пожил в своё удовольствие да и убрался благополучно восвояси, прихватив солидный куш взяток.

Итак, второй наш вопрос:

Почему Хлестаков обманул Городничего?

Есть в той же гоголевской комедии персонаж, который... не произносит ни одного слова. Это лекарь Христиан Иванович Гибнер.

Вообще-то персонажи без речей в пьесах встречаются. Это, как правило, второстепенные, третьестепенные лица, так называемые статисты.

Но Гибнер не таков. Он упоминается среди основных действующих лиц. И даже фамилия его значится среди участников диалога в I действии, но после неё вместо ожидаемой реплики следует: «Издаёт звук, отчасти похожий на букву “и” и несколько на “ё”».

Зачем же понадобился Гоголю молчащий персонаж? Какова его роль в пьесе?

И вот наш третий вопрос:

Почему лекарь Гибнер не произносит ни одного слова?

Отклоняется от сценических «правил» не только тот или иной персонаж «Ревизора», но и вся пьеса в целом.

В каждой пьесе, как известно, должна быть завязка, кульминация, развязка. И ещё должна быть экспозиция. Это те начальные сцены, когда мы знакомимся с персонажами, с обстановкой, когда действие ещё не завязалось.

Но вот звучит первая фраза в «Ревизоре» – реплика Городничего: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие. К нам едет ревизор».

Что-то не похоже на медленно развивающееся действие! События сразу же, без подготовки принимают крутой оборот... Значит, пьеса обошлась совсем без экспозиции?

Итак, четвёртый вопрос:

Есть ли в «Ревизоре» экспозиция?

Немало загадок выдвигает перед нами и крупнейшее произведение Гоголя «Мёртвые души».

Ну, скажем, такой персонаж, как Собакевич. Это помещик-кулак, себе на уме, практичный, выгоду свою знает.

Но в разговоре с Чичиковым Собакевич принялся расхваливать своих умерших крестьян как живых. Неужели Собакевич решил обмануть Чичикова? Но ведь Чичиков прекрасно знает, какой товар ему нужен, – нужны именно «мёртвые души». Да и Собакевич понимает, каков покупатель. А вот никак не может остановиться, вопреки всякому здравому смыслу, расхваливает продаваемых им мёртвых крестьян.

Это и будет пятым нашим вопросом:

Почему Собакевич расхваливает мёртвых крестьян?

Не совсем понятно и заглавие поэмы «Мёртвые души».

Можно подумать, что произведение посвящено мёртвым крестьянам, тем самым, которых скупает Чичиков.

Но о мёртвых крестьянах упоминается лишь в разговорах Чичикова с помещиками и чиновниками или в их размышлениях. Сами по себе эти крестьяне в действии, естественно, не участвуют.

На первом же плане поэмы – Чичиков, губернские помещики и чиновники. А главные события, образующие сюжет, – это похождения Чичикова.

Почему же в таком случае Гоголь так озаглавил произведение?

Итак, наш шестой вопрос:

Кто такие «мёртвые души»?

Есть среди персонажей поэмы такие, которых Гоголь не называет по имени. Это – дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях.

Можно подумать, что Гоголь не называет их по имени, потому что они не являются главными героями. Но в поэме есть немало второстепенных и даже, как говорят, эпизодических персонажей, которые, однако, имеют имена и фамилии.

Может быть, это просто случайность? Посмотрим. А пока сформулируем наш седьмой вопрос:

Почему автор не называет по имени даму просто приятную и даму приятную во всех отношениях?

Но если действие поэмы, как мы сказали, – это похождения Чичикова, то не совсем ясно, какое отношение к ней имеет «Повесть о капитане Копейкине». Капитан Копейкин не принимает никакого участия в похождениях Чичикова. А Чичиков, естественно, не имеет никакого отношения к событиям жизни капитана Копейкина.

Между тем повесть о Копейкине, включённая в десятую главу, – не самостоятельное произведение. Это часть поэмы, очень важная и неотъемлемая.

Отсюда наш восьмой вопрос:

Какое имеет отношение к действию поэмы история капитана Копейкина?

Да и в поведении Чичикова не всё понятно. В восьмой главе, например, в сцене бала Чичиков встречает губернаторскую дочку – и окаменевают, будто оглушённый ударом.

Чичиков видит её всего второй раз в жизни. Никаких глубоких чувств к ней он не испытывает. Да и не похоже это на такого практичного, погрязшего в мелочных заботах человека. Что же произошло?

Это и будет нашим девятым вопросом:

Почему Чичиков окаменел при встрече с губернаторской дочкой?

Наконец, подумаем и о том, что означает в «Мёртвых душах» образ дороги.

Кажется, и думать тут особенно нечего. Слова о «Руси-тройке» и о том, что «какой же русский не любит быстрой езды», многие знают наизусть.

Обычно и запоминаются эти места как «лирические отступления», самостоятельные части текста. А между тем это не отступления, не изолированные высказывания. Снова перед нами органические, неотъемлемые части поэмы.

Поэтому назовём последний, десятый вопрос:

Что означает гоголевский образ дороги?

Разумеется, таких вопросов можно задать ещё немало. Но мы ограничимся только десятью.

А как же, вы спросите, отвечать на эти вопросы? Есть только один путь: читайте и перечитывайте Гоголя. И думайте, размышляйте над его произведениями.

Ну, а если хотите, попробуем на эти вопросы ответить вместе.

...Но вначале условимся о том, как мы будем читать Гоголя.

Гоголя часто называют сатириком, юмористом, комическим писателем.

Комический писатель – это, как известно, такой писатель, который пишет смешно. Смех – это его творческая установка, можно сказать, его профессия. «Я комик, – говаривал автор «Ревизора» и «Мёртвых душ», – я служил ему (смеху) честно и потому должен стать его заступником».

Существует множество различных средств, с помощью которых пишут смешно, множество, как говорят, «приёмов» комического. Эти приёмы вы можете найти в произведениях Гоголя.

Ну, например, в уже упоминавшейся «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» мы читаем: у Ивана Никифоровича «шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением». Каждый, конечно, понимает, что таких огромных шаровар в природе не бывает. Но спорить с автором никто не будет, потому что это вполне оправданный в художественном произведении «приём». Мы называем этот «приём» комическим преувеличением, или комической *гиперболой*.

А вот ещё один «приём».

В повести «Невский проспект», описывая «улицу-красавицу нашей столицы», Петербурга, рассказчик говорит: «Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия... Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук... Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые... Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда... А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте!» Понятно, что *бакенбарды, усы, талии, рукава* прогуливаются по Невскому проспекту не сами по себе. Но вот об их обладателях ничего не говорится, как будто эти атрибуты туалета и одежды заслонили собою людей. Снова перед нами комический «приём» – так называемая *синекдоха*, когда вместо какого-либо явления или персонажа называется лишь его часть.

А вот в повести Гоголя «Нос» мы сталкиваемся с совсем уже невероятными событиями. От майора Ковалёва сбежал его собственный нос, который оказался обладателем более высокого чина, чем его прежний хозяин, – чина «статского советника». Погуляв по Петербургу и причинив майору Ковалёву немало беспокойств и волнений, нос как ни в чём не бывало возвратился на своё место. «Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия», – притворно изумляется рассказчик повести. Изображение таких заведомо невероятных событий, переходящее в

абсурдное, нарушающее привычные нам правила логики, называют *гротеском*.

Своё исследовательское видение проблемы, к которой обращается Ю. Манн, есть в книге **Владимира Турбина «Герои Гоголя»**.

Любовь Кабо в книге **«Наедине с другом»** раскрывает свою версию своеобразия творчества Н. В. Гоголя.

Нет сомнения в том, что понимание стихотворения **Евгения Евтушенко «Ошибка Гоголя»** вызовет затруднения, т. к. девятиклассникам может не хватить знаний для того, чтобы оценить, как и о какой ошибке пишет поэт XX века. Однако само наличие проблемы, которая волнует лирического героя Евтушенко, – это уже важно для привития интереса к чтению.

*Перейдём к другому предмету,
где так же слышится у наших поэтов
тот высокий лиризм, о котором идёт речь,
то есть – любви к царю...*

Н. В. Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями»

Когда однажды вздрогнул Гоголь
перед видением конца,
как перед степью голой-голой,
где ни огня, ни бубенца, –
его ослабленная воля
поволоклась от всех страстей,
как будто перекасти-поле,
под колесо любви властей...
Кому он каялся, несчастный?
Куда стопы его влекли?
Ужель какой-то пристав частный
преобразился от любви?..
Как бредил он, как торопился,

какою мукою он жил,
когда из ключьев
переписки себе при жизни саван сшил!
Как был раздроблен, как раздрызган,
когда родил под лязг цепей
мысль об особенном лиризме –
при воспевании царей...
Но не потупился Белинский
со строгой правдой молодой
пред мрачной тенью исполинской
фигурки крошечной, худой.
Ведь если даже в помраченье
и отречение гений впал,
бессмертный смысл разоблаченья
в безвинных книгах не пропал.
О гений, ты в таком тумане,
когда наивен до того,
что доброты и пониманья
ждёшь от убийцы своего.
И Гоголь сгорбился, нахохлясь,
оборотись лицом к векам,
когда вожжей Ноздрёва охлёт
в ответ –
протянутым рукам...

Разумеется, что в представленный выше обзор литературы, которая составила программу по внеклассному чтению в 9-м классе, включены не все произведения, в первую очередь те, которые являются, по нашему мнению, наиболее важными и значимыми в данном случае.

10 класс

Корпус текстов программы по внеклассному чтению для 10 класса составили произведения авторов XX века, посвящённые русским писателям, творчество которых школьники узнали или ещё узнают на уроках литературы. В этих произведениях авторы школьной программы сами выступают в качестве героев.

Разные по возрасту, по степени мастерства и таланту авторы – писатели и поэты XX века – рассказывают о том, какими были мастера слова века XIX, размышляют над причинами бессмертия творчества Тургенева и Чернышевского, Некрасова и Достоевского, Чехова и Толстого. Из повести Юрия Гаецкого «Ранние метели» учащиеся могут узнать о том, как пришли в творчество Ивана Сергеевича Тургенева герои «Записок охотника», других его повестей и романов. «Повесть о Чернышевском» написана внучкой писателя, Ниной Михайловной Чернышевской. Её отец, Михаил Николаевич Чернышевский, в 1918 году передал в дар Советскому правительству дом, в котором родился Николай Гаврилович, а также все имевшиеся в семье документы, связанные с именем Н. Г. Чернышевского.

Нина Михайловна хорошо знала семейные предания, пользовалась редкими краеведческими и архивными документами, записывала рассказы саратовских старожилов. Всё это послужило основой для достоверного и увлекательного повествования.

«Властитель дум» – так назвал Александр Таланов небольшую повесть о Некрасове, чьё слово наполнено глубоким знанием дум и чаяний своего народа, горькой обидой за тех, кто является созидателем всего сущего на земле, страстной верой в свой народ. Эстонский же писатель Юхан Смуул доказывает, что Некрасов и сегодня является властителем дум не только русского народа. Его стихи звучат в эстонской деревне, они близки и понятны людям потому, что это – слово о человеке вообще, о его праве на счастье.

Марианна Басина, автор документальных повестей о русских поэтах и писателях, вводит своего читателя в мир Фёдора Михайловича Достоевского.

Непросто рассказать о таком великом русском писателе, как Лев Николаевич Толстой. По-разному к пониманию его личности и творчества приходит современный читатель. О молодом офицере русской армии графе Льве Толстом, вместе с защитниками Севастополя прошедшим через суровые испытания, пишет Валериан Захаржевский.

Автор «Яснополянских этюдов» Галина Езерская долгое время работала экскурсоводом в доме-усадьбе Льва Николаевича Толстого, поэтому её воспоминания о разных по характерам и убеждениям посетителях музея рассказывают о том, что же приводит людей со всех концов земли поклониться автору «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения»...

Небольшой рассказ Георгия Медведева «Беспалов, Топтыгин и Лев Толстой» – это забавная история о том, как взрослый человек, занятый тяжёлой серьёзной работой, вдруг обращается к творчеству Л. Н. Толстого.

Раздел программы, посвящённый Антону Павловичу Чехову, открывается одноимённым очерком Максима Горького. Очерк-воспоминание рисует Чехова, прежде всего, в общении с людьми, рассказывает об умении говорить с ними, отыскать в каждом то, чем он интересен как индивидуальность.

Валериан Захаржевский и Инна Гофф каждый по-своему дополняют портрет писателя. Первого интересует образ Чехова-врача («Доктор Чехов»).

Инна Гофф в рассказе «Цветы девицы Флоры» поделилась с читателем маленьким, но драгоценным открытием того, как дорожил Чехов добрыми отношениями с близкими ему людьми, как из многообразных контактов с внешним миром рождались замыслы и образы будущих рассказов.

Начало работы по программе для 10 класса может быть положено обращением к стихотворению Николая Рубцова:

Брал человек
Холодный, мёртвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же высекать
Огонь из слова!
Но труд ума,
Бессонницей больного, –
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

Одной из задач реализации предлагаемой программы может быть выяснение того, как удавалось писателям XIX века «в своей руке сверкающее слово вдруг ощутить как молнию ручную», или хотя бы приблизиться к пониманию этого.

И. С. Тургенев

Представления учащихся о судьбе и творчестве И. С. Тургенева, которые сформированы при изучении школьной программы, существенно дополняются благодаря повести **Юрия Гаецкого «Ранние метели»**. В этом произведении Тургенев предстаёт в пору своей юности, в самом начале жизненного и творческого пути.

Юрий Гаецкий «Ранние метели»
(Главы из повести о И. С. Тургеневе)
(в сокращении)

В городе Санкт-Петербурге

...Новый, 1837 год встретили довольно скучно. Брат Николай, загодя поздравив маменьку и всех домашних, умчался встречать праздник в ресторан Дюмё, куда, по старой привычке, собирались покутить офицеры гвардейской артиллерийской бригады. Маменьке нездоровилось, и, хотя гостей за праздничным столом оказалось достаточно, всё же вечер прошёл вяло и скучно. Выпили по бокалу шампанского, пытались было потанцевать, но разошлись всё же рано...

Снежным и вьюжным пришёл январь в том году. Наметали вьюги сугробами снег по улицам, потом ветер метельными ночами носил его туда и сюда по городу, кидал в окна, в подъезды, в глубокие петербургские дворы, заваливал белыми пухлыми грудками укрытые льдом каналы, речушки, Неву. Стонал, плакался, выл весь январь злой, колючий ветер над Санкт-Петербургом... И внезапно, к двадцатым числам, вдруг стих; лишь слабо, беззвучно кружилась ещё кое-где над мостовыми уставшая от визга метель. Зато к закату поднимались и крепи морозы.

В такой вот хмурый, морозный день, 28 января, вдруг облетела университетские аудитории страшная весть. Будто вчера у Чёрной речки, под вечер, встретились в поединке на пистолетах Александр Сергеевич Пушкин и поручик Кавалергардского полка барон Дантес де Геккерен; будто стрелялись противники на десять шагов, и поэт тяжело ранен, помирает в квартире своей, что на Мойке, а прощелыга Дантес остался, мол, цел и забился со страху в голландское посольство. Ещё говорили, что хоть причиной дуэли была, по всему видать, жена Александра Сергеевича, но что всё это вздор – поэта убили по сговору великосветские шалопаи, всю жизнь

его ненавидевшие. И что надобно поскорее бежать на Мойку, куда собираются толпами люди со всего Петербурга.

Был уже час пополудни. Схватив у Савельича свою студенческую тёплую шинель, Тургенев кинулся на улицу, вскочил в ожидавшие его у подъезда одноконные санки и велел кучеру Капитону гнать поскорее на Мойку.

Там, вдоль набережной, у дома Волконской, уже толпился народ. Несколько карет и наёмных извозчиков жались к тротуару и чугунной решётке, ограждавшей набережную. Толпа глухо шумела. Конные жандармы кучкой расположились поодаль. А среди толпы уже шныряли встревоженные «мухи» в гороховых зимних шинелях. Падал снег, завивался в метели над мостовой.

Велев Капитону обождать, Тургенев направился к дому, но протолкаться к воротам, откуда обычно входили в квартиру Пушкиных, не было никакой возможности.

– Что там? Что там? Да ну, читайте! Кто вывесил? – раздались взволнованные голоса неподалёку от Тургенева; он оглянулся – то были два молодца в мещанских бекешах, подпоясанных ремешками. – Экой ты! Громче читай-то, явственно слова выговаривай, кавалер! Знать-то надобно всем, а ничего не слышать!.. Да тише вы, господа почтенные, слушайте!

Тургенев придвинулся поближе и приподнялся на носки.

Ворота были настежь открыты. Там, в глубине, у маленькой, узкой двери, люди стояли особенно густо. Какой-то отставной солдат в бескозырке, с гвардейскими пышными бакенбардами на исполосованном шрамами лице густым басом читал по складам бумажку, висевшую на двери.

– Да эдак-с ты, кавалер, и к вечерне не дочитаешь! – воскликнул вдруг сосед Тургенева, маленький, щупленький старичок в ветхой чиновничьей шинелишке, смахивая тряпицей набежавшие на глаза слёзы. – Ах, батюшка, ничего-с не понять... Да сделайте милость, кто-либо иной прочитай, господа; ждатель-то душа не терпит. Ну, беда! Ах, беда-с!

Огромный верзила, несмотря на мороз, в одном приказчиьем суконном кафтане и картузе, вежливо отстранил от двери отставного солдата.

– Вывесил сию бумажку, называется «оповещение», – громко сказал приказчик, – ихний, Александра Сергеевича Пушкина, лакей. При нас то было, поутру, а как он, лакей, прозывается, того доложить не могу-с... В бумажке же оповещено так: «Первая половина ночи беспокойна, последняя лучше. Новых угрожающих припадков нет, но также нет и ещё не может быть облегчения».

– Помилуй, господи! – испуганно охнул всё тот же старичок чиновник, сосед Тургенева, и несколько раз осенил себя широким, размашистым крестом.

– Да кто там ещё помилует! – с возмущением крикнул один из молодцов в мещанской бекеше. – Застрелили вот Александра Сергеича, не промахнулись, ироды!..

– Эй ты, чего зря лопочешь! – тотчас подскочил к молодцу кругленький низенький человечек в гороховой зимней шинели. – А ну, пойдём-кось, пойдём-кось!

Но молодцы в бекешах немедля нырнули в толпу и пропали...

Застывший, словно бы одеревеневший от горя, со следами замёрзших слёз на щеках, возвращался Тургенев домой по улицам Петербурга.

Он ничего вокруг не видел, ничего не хотел видеть, сгорбившись в санках и подняв воротник шинели.

«Вот и убили Пушкина... Невероятно!.. Не может того быть! Нет, быть того не может, чтоб умер Пушкин, – думал он, леденея. – Не может того быть, нет, нет!»

Но на следующий день, 29 января, в 2 часа 45 минут пополудни Александр Сергеевич Пушкин скончался.

Услышав эту горестную весть от Николашки Серебрякова, раз пять уже бегавшего на Мойку, к дому Волконской, Тургенев внезапно почувствовал,

что всё в комнате вдруг закружилось, полетело куда-то, рухнуло. Он сел на постель в совершенном беспамятстве. Очнулся он тотчас же. Всё было по-прежнему: ледяное солнце светило в окно; Николашка Серебряков стоял перед ним всё так же, как прежде; на письменном столе лежали, как прежде, аккуратными стопками книги его и тетрадки; и только сердце как-то странно дрожало и билось в груди, замолкало и снова билось, как подстреленная птица в забрызганной кровью траве...

«Боже мой! – подумал Тургенев. – Боже мой! Ещё так недавно я видел Пушкина у Плетнёва – смеющимся, полным жизни, слышал его звонкий голос... И потом на концерте в Дворянском собрании, у колонны, хмурым, чем-то расстроенным... И вот он убит... Мёртвый Пушкин! Невероятно! Чудовищно!»

...Толпа на набережной Мойки всё густела и густела. Но за воротами дома Волконской люди становились один за другим и так, в молчании, входили в узкую дверь квартиры и через кладовую, буфетную и сени достигали передней, где стоял гроб.

Когда Тургенев приехал на Мойку, уже кончался субботний день, 30 января, первый день после смерти поэта.

Зажигались на набережной редкие огни фонарей, и в домах то тут, то там уже вспыхивали жёлтые окна. Опять начинала кружить и постанывать вьюга. Толпа перед домом Волконской заметно редела.

Именно этого часа и дожидался Тургенев, чтобы войти в квартиру Пушкина одним из последних. Потому что неотступная, тайная мысль, одно нестерпимое желание им овладело.

Он быстро подошёл к двери, поднялся по лестнице и, минуя столовую, очутился в передней.

Почти никого в комнате уже не было. Только старый камердинер Пушкина Никита Козлов стоял в ногах своего покойного барина и неотрывно смотрел и смотрел на его лицо.

Прикрытый по грудь погребальной парчой, Пушкин лежал на подушках легко и спокойно. Курчавые волосы и бакенбарды теперь резко оттеняли его лицо, осунувшееся, побледневшее, и особенно губы, на которых, казалось, застыла последняя, жгучая обида.

У гроба в высоких подсвечниках горели три тёмно-жёлтые свечи. Чуть-чуть пахло ладаном, воском, ещё чем-то – приторным и пугающим. Была тишина.

Долго стоял Тургенев у гроба, смотрел в лицо Пушкину, плакал беззвучно, не отирая слёз. И ему становилось всё горше и горше...

– Пора, господин, прощения просим, – услышал он вдруг за собой хриплый, простуженный голос Никиты. – Эх, барин, барин, и к чему-с это всё человеку, к чему-с?! Тургенев вздрогнул, отёр зазябшей ладонью лицо, пришёл наконец в себя...

– Послушай, любезный, – еле слышно сказал он Никите, – послушай-ка... Вот что, голубчик, срежь мне на память локон у Александра Сергеевича... Окажи, братец, услугу.

Видимо, в голосе молодого человека с покрасневшими от слёз глазами было столько искренней скорби, что Никита Козлов тотчас же взял лежавшие на маленьком столике ножницы и, подойдя к изголовью гроба, осторожно срезал свисавшую на лоб Пушкина мягкую прядь.

Бережно спрятав в карман драгоценную ношу и поцеловав холодную, уже каменную руку поэта, Тургенев вышел на улицу.

Метель разыгралась. Она выла, стонала, кружила вокруг дома, по набережной, над застывшею речкой. В мутном северном небе меж тем неслась и клубилась, светясь, другая метель. И вот они обе слились, взвизгнули, заметались над одетым в гранит холодным, загадочным городом – Санкт-Петербургом...

DAHIN! DAHIN!¹

Пятнадцатого мая 1838 года линейный корабль «Николай I» покинул Кронштадтскую бухту и скоро вышел в открытое море. Было тепло. Серые волны, нестрашные и мелкие, почти бесшумно били в высокие борта парохода. На голубом чистом небе сияло ласковое майское солнце, а над волнами кружили, высматривая добычу и резко вскрикивая, хищные морские чайки.

«Николай I» шёл обычным пассажирским рейсом на Травемюнде и Любек. Белый, нарядный, сверкающий, с высокой трубой, он легко рассекал тяжёлую воду Балтийского моря. Каюты, матросский кубрик, палубы, капитанский мостик, кают-компания – всё блестело той удивительной морской чистотой, какая всегда присутствует на дорогом пассажирском пароходе с отличной командой...

Велев ехавшему с ним в дальний путь дядьке, спасскому фельдшеру Порфирию Кудряшову, распаковать чемоданы и аккуратно разложить вещи в двухместной каюте, Тургенев вышел на палубу.

Там было шумно и весело...

Выбравшись на корму, где не так сильно дул ветер, Иван Сергеевич залюбовался морем. Оно ёжилось, морщилось, выбрасывая то тут, то там ослепительные солнечные блики, а дальше, на горизонте, море курчавилось и пенилось белыми, светлыми барашками, убегавшими вдаль...

Вот, значит, и едет он наконец за границу, в Берлин, – туда, туда, в эту благословенную страну Гёте и Шиллера! В своём дорожном сюртуке, в сафьяновом карманном портмоне везёт он за рубежи драгоценный локон Александра Сергеевича Пушкина, запаянный в серебряном медальоне, и университетский диплом кандидата, и любезную сердцу страничку,

¹ Туда! Туда! (нем.) – Этот возглас выражал романтическое желание удалиться в лучший мир, в мир мечты и счастья.

вырванную из апрельского номера журнала «Современник», где напечатал профессор Плетнёв его, Тургенева, первое стихотворение «Вечер»:

В отлогих берегах дремали волны;
Прощальный блеск зари на небе догорал;
Сквозь дымчатый туман вдали скользили чёлны,
И, грустных дум и странных мыслей полный,
На берегу безмолвный я стоял...

В моей душе тревожное волнение;
Напрасно вопрошал природу взором я:
Она молчит в глубоком усыпленье —
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия.

«Да, — с тревогой подумал Иван Сергеевич, — да, да истинно так: ни одно творенье, сколь оно к тому ни стремится, а так и не в силах узнать о тайнах бытия... Зачем?.. Зачем всё это вокруг — рождение и смерть, красота мира, его уродства, борьба слабых и сильных, страдания и короткие радости?.. Зачем бегут эти волны, дует ветер, светит жёлтое солнце, кричат эти хищные чайки?..

<...> Внезапно дверь кают-компания стремительно распахнулась, и кто-то с отчаянием вскрикнул: «Пожар! Пожар!»

В самом деле, из коридора в каюту уже тянуло дымом. Ошеломлённые, испуганные, толкая друг друга, все бросились к выходу. Свечи погасли, опрокинутый кем-то ломберный стол рухнул, и золотые червонцы, звеня, брызнули на пол.

С трудом протолкался Тургенев в коридор, подавленный ужасом, кинулся бежать, сам не зная куда.

Внутренние переборки и лестницы корабля уже горели. Белый ядовитый дым, по которому змеями металось кровавое пламя, слепил глаза, набивался в рот, душил. Крики женщин, плач детей, зловещий треск дерева – сверху, снизу, с боков – холодили сердце.

«Умереть, умереть таким молодым, ничего не свершив!.. Боже мой!» – в смертельном страхе думал Тургенев, кое-как пробиваясь на палубу по уже занимавшейся огнём винтовой лестнице.

Была тёмная ночь. Но два высоких, неистово гудевших столба дымчатого пламени у паровой трубы ярко освещали палубу, кипевшее за бортом море, позволяя видеть даже далёкие утёсы берега у Травемюнде.

<...> Наконец шлюпка отчалила от горевшего корабля.

Мелкий дождь заморосил с неба, ничуть, впрочем, не укрощая огня, но зато очень скоро промочил до последней нитки полураздетых усталых людей.

Когда царапнувшие дно вёсла показали, что лодка достигла мелководья, боцман велел пассажирам поскорей вылезать и добираться до берега пешком.

По вязкой, холодной грязи, утопая почти по колена, дотащился Тургенев вместе со всеми до береговых утёсов. Там он упал на мокрую землю и, привалясь к камню, глянул в море.

Уже светало. Невысокие волны, покрытые белой клубящейся пеной, одна за другой перекатывались через камни, спокойно и монотонно ворча. По этим белым гребешкам сновали туда и сюда две шлюпки, выбрасывая на мелководье всё новых и новых пассажиров.

Корабль догорал. Падали, разбрасывая искры, могучие снасти, валилась труба, с оглушительным треском проваливались палубы, погребая под собою багаж, дорогие экипажи, одежду, разложенные по каютам вещи, бумаги, книги... Там, в глубине, в кают-компании, погибали и золотые червонцы, сулившие юноше богатство и долгожданную свободу.

Но, в конце концов, самое главное – жизнь была спасена.

Вдруг ужасное беспокойство овладело Тургеневым. Не поднимаясь с земли и безучастно глядя на уходивших с горы недавних его попутчиков, он словно бы прирос спиной к камню.

«Портмоне, моё портмоне! – в смятении подумал он. – Ведь выпало ж, конечно, портмоне из карман сюртука! Да как же ему было и не выпасть при такой суматохе? А там – медальон с драгоценным локоном Пушкина!»

Теперь Иван Сергеевич уже страшился поднять руку, чтоб ощупать карман сюртука. А вдруг погиб медальон? Вдруг и в самом деле сгорело в огне иль похищено волнами всё, что осталось ему на память от Пушкина и что не измерить в цене никакими червонцами!..

Осторожно просунул он наконец дрожавшие пальцы за мокрый борт сюртука... Славу богу! Портмоне было цело...

Своё поэтическое видение И. С. Тургенева и его творчества есть у поэта Леонида Мартынова в стихотворении «Явление юбиляра». Оно даёт возможность поразмышлять над тем, какой смысл вкладывает поэт в слово «тургеновщина». Не менее интересно может быть выяснение вопроса о том, что, по мнению школьников, входит в это понятие. Стихотворение примечательно и своими ассоциациями, реминисценциями с лирикой и прозой Тургенева:

Закат
Сиренев
До того,
Что прямо лиловеет,
Как будто даже от него
Тургеновщиной веет.
Но уверяет
Темнота,
Столь бледная в июне,

Что молодёжь уже не та,
Какая
Накануне.
Конечно,
Накануне,
Дым,
Отцы и дети,
Рудин –
Всё это людям молодым
Скучнее школьных буден.
Но
Старый франт
Среди нерях
Не прах на катафалке,
Тургенев сам встаёт в дверях
Тургеневской читалки,
И к трогательно молодым,
Чей сон не непробуден,
Он мчится – Накануне,
Дым,
Отцы и дети,
Рудин.

Можно выяснить то, какие произведения Тургенева узнают десятиклассники в этом стихотворении, почему именно эти произведения писателя вспоминает поэт. Однако главный вопрос заключается в том, согласны ли сегодняшние школьники с тем, что произведения Тургенева сегодняшним школьникам, «людям молодым скучнее школьных буден».

Н. А. Некрасов

Повесть **Александра Таланова «Властитель дум»** открывает перед учащимися возможности узнать о том, как и почему пришёл к поэту первый успех, как складывалась, в чём выражалась своя диалектика отношений в формуле Поэт – Царь – Народ, как формировался Некрасов-поэт и Некрасов-редактор.

Эстонский писатель Юхан Смуул рассказал о том, чем крестьянину эстонской деревни второй половины XX века может быть интересен русский поэт века девятнадцатого.

Юхан Смуул «Вечер с Некрасовым» (перевод с эстонского Вал. Рушкиса) в сокращении

Посвящаю матери

Студентка учительского института Малл Саар зимой перенесла тяжёлую операцию. После больницы она на месяц приехала домой, на остров, в колхоз «Маяк». Сначала её покачивало, как былинку, но потом её лицо начало понемногу розоветь. Двигаться ей было ещё трудно, и она выходила из дому только за книгами. Когда всё было перечитано, обратилась ко мне:

– Книг. Как можно больше.

Я предложил ей Гейне.

– Не могу. Человек я впечатлительный, легко начинаю смеяться или плакать. А смеяться больно, да и запрещено – рана может открыться.

Предложил «Избранные статьи» Герцена.

– Они у меня почти все от руки переписаны.

Ещё были у меня «Избранные стихотворения» Некрасова в переводе на эстонский язык. Дал их. Через два дня Малл зашла снова.

– Приходите к нам в воскресенье вечером.

- Хорошо.
- Устраиваю литературный вечер. Буду читать Некрасова.
- Кто придёт?
- Молодёжь, комсомольцы. Родня моя многочисленная соберётся.

Председатель обещал прийти. Поверьте, народу будет много.

Я пошёл на этот импровизированный литературный вечер с каким-то холодным чувством на сердце. Стихи здесь любят, но в декламаторах ценят прежде всего простоту. Читая этим людям стихи, пафос следует унижать почти до нуля. Время от времени на остров приезжают концертные бригады театров из Государственной филармонии, но их чтецы, очевидно, считают, что все чувства – страсть, грусть, радость, страдание – можно выразить только одним: криком... Как будет читать Малл печальные, гневные стихи Некрасова?

До пожилых людей тут ещё не дошло слово «стихотворение». У них поэма – это «большая песня», баллада – «длинная песня», стихотворение – просто «песня». Текст песни – тоже «песня». Очень любят здесь Джамбула. Песни Исаковского знают наизусть.

Ну и нас, эстонских поэтов, знают – иногда у нас получаются хорошие песни, иногда – просто песни.

Однако здесь я услышал и однословную, очень злую критику стихотворения, такую критику, от которой да убережёт нас милосердная судьба.

Брат председателя Рудди Аэр спросил меня вчера:

- Писателя Н. знаешь?
- Знаю.
- Вот его строчки в газете были напечатаны.
- Строчки? Песня, что ли?

– Нет, строчки, строчки! – упрямо повторил Рудди Аэр. И это, сказанное без оттенка пренебрежения, слово «строчки» заставило меня поёжиться.

Я был уверен, что Некрасова здесь примут хорошо. Но в какой мере, глубоко ли затронет он слушателей?..

Комната была большая. На длинных скамьях расположилась многочисленная родня Сааров, тут же сидели комсомольцы; в сторонке, как всегда, когда он не исполнял своих председательских обязанностей, уселся Яан Аэр.

Но об этом надо писать по-другому.

*Наша муза парит невысоко,
Но мы пишем не лёгкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.*

Н. А. Некрасов

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО

Вечер. Сумрак успел сгуститься.

Угасает заря.

Впотьмах

стёрлись в комнате контуры, лица –

вся земля уже в чёрных тенях.

Полный влаги и свежести моря

воет ветер, силён и задорен.

Мощным гулом его заглушая,

величавая песня гремит:

не стихая,

не умолкая,

наше морюшко-море шумит...

Друг мой, девушка!

Сколько прекрасного

каждый день твой сулит, каждый шаг.
При свечах ты читаешь Некрасова,
белокура, собой хороша.
Ты подпёрлась рукой поудобнее,
косы вольно легли на груди.
Разве знала ты муки подобные?
Что же душу твою берedit?
Чистой, светлой, прямою дорогою
словно вольная птица летишь.
Страсти мелкие, думы убогие
не коснутся тебя на пути.

Дорогая, читай!
Через годы
проведи нас по жизни сегодня,
чтобы мукой народной растроганный
тот, чьей болью так больно тебе,
со своею «Железной дорогою»
побыл в этой рыбацкой избе.
Голос твой зазвенел негодующе.
Ты читаешь и песне вослед
к нам вошёл
и глядит испытующе
гнева и слёз поэт.

*Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мёрзли и мокли, болели цингой.
Грабили нас грамотеи-десятники,*

*Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!
Братья! Вы наши плоды пожинаете,
Нам же в земле истлеть суждено...
Н. А. Некрасов «Железная дорога»*

Тишь – ты полёт услышал бы мушиный
в людной, притихшей избе.
В крепком, ох, крепком раздумье мужчины.
Думы у них – о себе.
Бабы – не то, доживали здесь многие
до гробовой доски,
далее не видел железной дороги.
Им не чета мужики.
Им довелось по земле поскитаться –
горе хлебали, ломая плитняк,
строили в сёлах хоромы кулацкие,
да ведь на совесть,
не кое как!
Руки – что клещи, привычны к работе –
гнишь на чужих, пока гнётся спина.
Старились, роя канавы в болоте.
Вкалывали от темна до темна.
Сердце сжимается.
Все растревожены
горьким и гневным стихом.
Пишет поэт, как дорога проложена,
но ведь не только о том!
Где она грань между правдой и вымыслом?
Слыша жестокий рассказ,

шепчет соседу сосед:
– Эх, что вынесли!
Слышишь – товарищ-то пишет – про нас!
– Тише! – Умолкли. И каждую голову
та же догадка сверлит:
вы это «мокли», «боролися с голодом»,
песня о нас говорит!
Двери в былое распахнуты словом,
в давние дни эти строфы ведут.
Видят мужчины сквозь дымку бывшего
свой непосильный, свой каторжный труд.

Мужчины задумались:
«Быль. Не прикрашено.
Всё прямо из жизни берёт.
Некрасов-то, надо быть,
с острова нашего,
поблизости, видно, живёт.
Хоть тут не дорога, здесь дамба поставлена,
всё в песне, как в наших местах.
Певцом-то на плечи его
взвалена
и нашего тяжесть креста».

*И дрожит, и пестреет окно...
Чу! Как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно –
Здесь одни только камни не плачут.
Н. А. Некрасов. «Мороз красный нос»*

*По ведёрочку слёз на сестрёнку уйдёт,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмёт,
И без меры возьмёт – что останется.*

Н. А. Некрасов. «До сумерек»

Вот идут стороной за судьбою судьба,
но за ними шагнёшь ты невольно.
Их жестокость не только заденет тебя:
бьет и жжёт,
самому тебе больно.
Не заметишь, как строфы, печалью делясь,
всё вокруг отодвинут и спрячут,
и тебя вдруг обступит страданья земля,
где одни только камни не плачут...

Словно вправду над нами самими
небосвод этот зимний застыл,
словно все мы простились с родными
и смириться с потерей нет сил,
в нас кручина закралась бесшумно
и сумела любым овладеть.
Где мне знать, что тут каждый подумал –
души их нелегко разглядеть,
но я сам...
Мне хотелось до боли,
чтоб моя седовласая мать
эту песню о Дарьиной доле
вместе с нами могла услышать.

Вечер с Некрасовым уже давно окончился. В окнах погасли огни. Деревня спит.

Но я всё ещё в смятении, я захвачен всем этим и снова, и снова возвращаюсь к вопросу: что такое поэзия? Чем увлекает она людей, в чём её сила, действенность, общественная функция? Некрасов разволновал нас всех, но по-разному. Вообще-то здесь, где люди всегда находятся в гуще жизни, пейзажи в стихах забываются быстро. Всё внимание приковано к судьбам людей и к подробностям быта. Как водится, хорошим героям хорошего произведения все желают счастливой судьбы. Если же их жизнь складывается несчастливо, читатели обязательно переносят свою неприязнь на виновников этого несчастья – на несправедливость, господствующую в мире, на общественный строй. И молодёжь, слушая печальные и гневные стихи Некрасова, его глазами словно через окно, глядя на чуждый им, далёкий удушливый мир и на людей, судьбы которых переплетаются, взлетают или гибнут, на людей страстных, поэтичных, – молодёжь училась ненавидеть именно то, что нужно ненавидеть!

Старики, слушая эти стихи, неизбежно находили в них знакомые краски и чувства, проводили параллель со своей судьбой. Заново, другими глазами смотрели они в прошлое. К ночи они уже забыли имя поэта, но снова и снова возвращались на многие годы назад, к героям Некрасова, как к друзьям, товарищам по судьбе, и при этом думали не: «Что с тобой сделали!», а: «Что сделали с нами!» Поэт, унося нас в прошлое, не только напоминал о нём, не просто восстанавливал в памяти былое, но учил нас ненавидеть достойное ненависти!

Где кончается стихотворение? Там ли, где автор поставил последнюю точку? Бывает, конечно, и так. Но хорошее стихотворение кончается где-то дальше, гораздо дальше. Кончается там, куда оно приводит наши мысли; кончается выводами, которые под его влиянием мы сделаем когда-нибудь позже; кончается подвигом, на который это стихотворение вдохновило.

Именно в характере и в глубине этого не сразу постигаемого влияния, вероятно, и заключается общественная функция поэзии.

Юхан Смуул своим рассказом о том, как прошёл вечер в эстонской деревне, даёт возможность поразмышлять над тем, почему настоящее искусство не имеет национальных границ, почему «настоящее стихотворение» не кончается там, где «автор поставил последнюю точку».

Ф. М. Достоевский

Одной из самых важных книг для внеклассного чтения о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского в предлагаемой программе является документальная повесть **Марианны Басиной «Сквозь сумрак белых ночей»**. Книга существенно дополняет представления читателей о судьбе и творчестве великого писателя, убедительно раскрывает мотивы его поведения и истоки творчества.

Своё поэтическое видение судьбы и творчества Достоевского можно увидеть в **«Балладе о Фёдоре Достоевском»** и стихотворении **«Книга» Леонида Мартынова**, написанных в 1970 году:

Невский
Остаётся просто Невским,
Отвергая переименованья.
Достоевский
Остаётся Достоевским,
Отвергая перетолкованья.
Быть бессмертным
Тяжкая повинность!
Бытие мыслителя один из
Самых фантастических романов.

«Расскажите, милый Валиханов¹, –
Попросил Чокана Достоевский, –
Что теперь творится в Петербурге?»
И сказал Чокан, на запад глянув:
«Друг мой,
Невский остаётся Невским,
Как и Достоевский Достоевским,
Даже если загнан к чёрту в турки!»
Впрочем, был ли сей ответ столь резким?
Мне проконсультироваться не с кем,
Так ли точно средь степных курганов
Выразился славный Валиханов.
Но ведь Невский
Остаётся Невским,
Как и Достоевский Достоевским,
Точно так же, как и Валиханов,
Хоть и много разных великанов
И живых и всяких истуканов
За сто лет
Исчезло,
В Лету
Канув!

Книги

А красноречивей всех молчат
Книги, славно изданы, честь честью
Переплетены, чтоб до внучат
Достояться с Достоевским вместе

¹ Валиханов Чокан Чингисович (1835–1863) – казахский просветитель-демократ, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана, Китая.

И затем поведать всё, о чём
Написавший не сказал ни слова,
Но как будто озарил лучом
Бездну молчаливого былого.

Современный читатель имеет возможность высказать своё мнение относительно того, что значит «Достоевский остаётся Достоевским, отвергая перетолкованья...», и так ли это на самом деле. Если да, то почему относительно именно Достоевского «перетолкованья» отвергаются?

В связи со вторым стихотворением можно предложить школьникам подумать над вопросом о том, «достоялся» ли Достоевский «до внучат» и если да, то почему.

Л. Н. Толстой

Сегодня имеется обширная художественная, исследовательская, публицистическая, мемуарная литература, посвящённая личности и творчеству Л. Н. Толстого. В программу по внеклассному чтению включены произведения, которые можно плодотворно использовать в работе со школьниками.

Изучение по школьной программе «Севастопольских рассказов» подсказало обращение к рассказу **Валериана Захаржевского «На четвёртом бастионе»**, в котором будущий автор очерков об обороне города русской славы сам предстаёт героем художественного произведения. В. Захаржевский предлагает свою оригинальную версию того, как вёл себя будущий автор «Анны Карениной» и «Войны и мира» в самом опасном месте обороняющегося города.

Валериан Захаржевский «На четвёртом бастионе» (отрывки)

Каждый раз, особенно в последнее время, поднявшись на четвёртый бастион, подпоручик артиллерии граф Лев Николаевич Толстой испытывал тяжёлое чувство. Земля, изрытая бомбами, корабельные орудия, измученные лица моряков, рассказывающих, что вот в эту ночь убито девять и ранено пятнадцать, порождали настроение виноватости, ужас не только перед зрелищем разрушения жизни, но и перед собственным сознанием того, что он, офицер Толстой, и другие военные привычно спокойно и равнодушно смотрят на невыносимое и бесчеловечное.

Четвёртый бастион был самым опасным местом в Севастополе, так как находился под перекрёстным огнём неприятельских батарей <...>

Французы, потаённо работая тёмными ночами, выдвинули к четвёртому бастиону большой люнет – апрош¹, и было приказано силами бастиона выбить противника из люнета. Атака была удачна, но минут через двадцать атакующие возвратились на бастион расстроенными рядами, неся раненых.

Лейтенант Вязмитинов с окровавленным лицом говорил Толстому, едва сдерживая стоны и бешенство:

– Даром кровь пролилась, даром – взяли люнет, а резерв нам не прислали, ну и отдали. О проклятые головы в штабе! Я бы их...

Толстой услышал за спиной хриплый плач и обернулся. Два санитары укладывали на носилки Тальникова, у которого вместо левой ступни были окровавленные лохмотья. Один из санитаров накладывал на бедро турникет для остановки кровотечения.

Тальников, увидев Толстого, протянул к нему руки, я по-прежнему плача, говорил:

¹ Люнёт – апрош (*фр. воен. устар.*) – открытое полевое укрепление зигзагообразного вида.

– Взяли мы эту люнету в один секунд, а он вскорости насел лезёрвой, а нам подмоги не прислали... Ну, мы и назад! Что же это такое? О господи!

И Тальников горестно закрыл лицо руками, тяжело качаясь.

Толстой с тоской и душевной болью говорил что-то Тальникову, и голос его дрожал виновато, словно это он, Толстой, был виновен, что не прислали помощи атакующим.

– Ну потерпи, милый, сейчас тебе будет легче!

– Да что легче! Сколько сил потеряли в той люнете! Сколько крови матросской пролилось! Да что же это?

Когда носилки с раненым поворачивали за угол бруствера, Толстой в последний раз увидел Тальникова: он обессиленно и прощально махал рукой.

Первые дни августа были тяжело знойны, бомбардировка притихла, и море замерло в штиле.

Однажды, проходя мимо госпиталя на Северной стороне, Толстой увидел Марфутку. Девочка показалась ему совсем маленькой.

– А тятя мой вчера померли. Тут и лежат в сарае, – сказала она. И ещё хотела что-то сказать и не могла. Толстой взял девочку за руку.

– Пойдём, Марфутка, к тятю.

В сарае было темно, пахло ладаном. На одном из столов, оббитых жестью, лежал Тальников, укрытый простыней. В жёлтых, сложенных на груди руках горела тоненькая свечка, её огонёк дрожал, и на восковом лице покойника, преисполненном последними движениями жизни, играли тени.

Когда вышли из сарая, Толстой спросил:

– Где же ты сейчас живёшь, Марфутка, – у матушки?

– Не, матушка померли от тифа, я у тётки.

И она тихонько заплакала, стыдясь слёз.

27 августа в полдень начался штурм второго, третьего и пятого бастионов, а также Малахова кургана. Французы и англичане шли плотными колоннами и густо усеивали трупами и ранеными склоны холмов.

И вот настал день, когда наши войска по зыбкому мосту переходили через бухту на Северную сторону. Шубин стоял у въезда на мост и смотрел на это движение людей, орудий и повозок. Лица солдат и моряков были мрачны, они всё оглядывались на город, затянутый дымом и пылью, глухо грозились и ругались, вспоминая генералов Остен-Сакена, Горчакова и Меншикова.

– Пропала Россия, – говорил молодой матрос, срывая с головы фуражку и испуганно косясь на горящий город.

– Чего пропала? – спокойно заметил старик-егерь. – Почитай почти год стояли на бастионах, значит, в нас – сила. Он бы не выстоял, куда ему! А ты говоришь – пропала Россия!

Шубин заметил Толстого, стоящего, как и он, у въезда на мост, и его удивило выражение лица Льва Николаевича: в нём был отблеск какой-то торжественной и радующей мысли.

– Лев Николаевич! Лев Николаевич! – кричал Шубин, протискиваясь к Толстому.

– А, Андрей Германович! Где были?

– Выводил людей с Малахова кургана; как хорошо, что встретил вас!

Они говорили об этих страшных днях, и Шубин всматривался в лицо Толстого. Что значило это почти радостное выражение на его лице? Спросить об этом он всё же не решился.

Потом, уже к заходу солнца, они шли в портовый посёлок. Толстой молчал, словно обдумывая что-то; Шубин прервал это молчание.

– Вот и проиграли войну.

Толстой живо обернулся, даже приостановился и, глядя на синий горизонт моря, где призрачно маячили неприятельские корабли, сказал:

– Приграли? Так и скажут. Да нет же! Не сломлены души, воля наших моряков и солдат, а стало быть, они не побеждены. Об этом ещё и скажут, и напишут, античных героев вспомнят. Вот он, русский народ!

Толстой умолк, а с его лица не сходило то особое восторженное выражение, которое сразу заметил Шубин.

Пришла ночь – бархатная, тёмная, полная созвездий и непривычной тишины, ибо противник не стрелял.

Далеко за полночь Шубин и Толстой сидели на бревне под шелковицей, и Толстой говорил, словно сам с собой рассуждая:

– В эти страшные недели и месяцы я видел на лицах этих неказистых, скромнейших людей такую духовную силу, что о ней и не расскажешь. Умная она, тихая, сердечная. Эта сила, верно, нужна человечеству, чтобы стать ему иным, творящим добро, а значит, и новую жизнь. Как хочу, чтобы меня на всю жизнь увлекла огромная мысль – утверждать основу новой религии: религии без слепой веры, без таинственности, которая объединит этих неказистых ради дарования людям счастья на земле. Это дело многих поколений, которые поверят в силу добра и человеческой совести. Как живём ныне – нельзя жить, стыдно!

– Об этом часто говорил мне и Герцен.

Толстой замолчал.

Шубин промолвил – больше для себя, нежели для собеседника:

– Давняя мечта человечества – Кампанелла, Сен-Симон...

Толстой встрепнулся:

– Сен-Симон? Социализм? Но социализм только часть той основы, на которой сложится новая жизнь человека. Главное ведь – любовь, совесть и правда <...>

В книге **Галины Езерской «Яснополянские этюды»** организатора внеклассного чтения в 10 классе неизменно привлекает возможность на конкретных примерах показать то, кем является для нас Лев Толстой и как относятся к нашему писателю в разных странах мира и почему. Ниже приведём всего два из многих возможных.

Галина Езерская «Яснополянские этюды» В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Чёрное кресло с высокой спинкой и блестящими велосипедными колёсами четверо мужчин осторожно поднимали по скрипящей деревянной лестнице. Мимо часов, через площадку, в раскрытые высокие двери зала. Женщина, сидящая в кресле-коляске, молча и, как мне показалось, равнодушно смотрела прямо перед собой. Её седая голова была совсем белой на чёрной кожаной спинке кресла.

Я не знала, кто она и откуда. Она поняла мой невысказанный вопрос. «Русский язык, пожалуйста, я понимаю русский», – произнесли её не очень послушные губы.

Я говорила медленно, простыми и понятными фразами. Так же медленно двигалось кресло, почти бесшумно перенося старую женщину из одной комнаты дома Толстого в другую.

За окнами морозный и солнечный декабрьский день. Дом свободен и тих. Временами я видела, что женщина перестаёт слушать, уходит в свои мысли, прислушиваясь к еле уловимому потрескиванию половиц. Тогда я молча ждала её «возвращения». И, глядя сбоку на её серебряную голову, я вдруг ясно увидела перед собой в таком же кресле другого – кого до этого мига мне никак не удавалось увидеть не «великим и гениальным Толстым», а просто – живым и старым человеком. Человеком, который живёт и знает, что жизнь скоро кончится и не будет ничего: ни работы, ни мысли, ни дорогих привязанностей, ни терпкого запаха палого листа, ни весенних прозрачных капелей, ни буйства цветущих, готовых улететь в воздух яблонь... Ничего.

А день был ярок и светел. Блестели, словно их перебирала невидимая рука, спицы колёс, в прохладной секретарской перед печкой тепло светились начищенные медные листы.

...Женщине этой шёл семьдесят восьмой год. Она – жена мелкого конторского служащего – почти десять лет собирала деньги на эту поездку, несколько лет упрямо изучала русский язык, чтобы в доме Толстого слушать

его родную речь. Когда случилась беда, и женщина оказалась прикованной к креслу, она сказала себе: «И всё равно я там буду». Она приехала из маленького провинциального городка Северной Америки.

Она говорила это, светло улыбаясь, но я-то видела, как измучена она дорогой и этими – пусть такими счастливыми – переживаниями. И как хватит сил у неё на обратный долгий путь? Мне хотелось сказать ей что-то ободряющее, но она улыбнулась вдруг добро и молодо и ответила мне на мои мысли:

– У меня теперь так много сил... Когда сбывается мечта, сил делается больше. Знаете, я много думала о жизни и поняла, что мы, многие, большинство живём неправильно: катимся, как вагончик по рельсам, накатанным, привычным... Куда жизнь ведёт, туда и идём. И боимся перемен. Вдруг – крушение? А бояться не надо. Надо так поворачивать свою жизнь, чтобы мечта не посмела пройти мимо тебя. Иначе жить плохо. А мне теперь и умирать будет легче...

Снова завертелись перед моими глазами спицы колёс, точно чья-то рука невидимо перебирала их, торопила, отсчитывая время.

БЕЛЫЙ ОСТРОВ

У меня есть значок: синий диск, а на нём белый остров, точно облако, летящее среди моря и неба. Это – Кипр.

До самого конца я не знала, кто он – гость Ясной Поляны, которому я показывала дом и усадьбу.

Иссиня-смуглый, он был, несомненно, южанин. Он неплохо говорил по-русски, при этом губы его складывались так, что было видно, как чужды им звуки русского языка. И акцент получался сильный и своеобразный.

В кабинете Толстого он долго стоял молча, потом подошёл к окну и, точно забывшись, смотрел и смотрел куда-то выше и дальше вершин старого елового «Прешпекта».

В библиотеке он пристально вглядывался в строй книжных корешков, разыскивая что-то, потом – то ли мне, то ли самому себе сказал:

– Толстой любил греческий...

– И даже видел по-гречески сны, – прибавила я.

Прощаясь со мной, он сказал:

– Я был на конгрессе славистов. – Я киприот.

– ...Патриот? – переспросила я, не расслышав.

– Киприот, – повторил он. – Но это есть одно и то же. Вы хорошо слышали. – Он помолчал. – Это моя страна. Мне будет приятно, если в Ясной Поляне вы будете носить этот значок.

Он улыбнулся и приколот к моему платью кусочек своего моря и неба с белым летящим облаком посредине.

Свой вклад в формирование представлений читателя о творчестве Льва Толстого и о русской культуре вносит стихотворение **Ярослава Смелякова «Лев Толстой»:**

Был дождь и снег апрельский сразу,
асфальт дымился и блистал,
когда я с жителем Кавказа
к Поляне Ясной подъезжал.
Меж елей, выстроенных строго,
от снега мокрого светла,
бесшумно двигаясь, дорога
вдоль дома барского вела.
Мы шли задумчиво впервые,
всё повидавши на веку,
к святому месту всей России,
как бы мальчишки к старику.
Его могила тут весною

стоит без близких и родных,
обёрнутая вечной хвоей,
среди подснежников живых.
Здесь тихо веет от могилы
среди чистоты и темноты
одною силой, только силой,
не признающей суеты.
Он ею мерился немного
лишь ради хватки удалой
и с философией, и с богом,
и даже с самою землёй.

Рассказ Григория Медведева «Беспалов, Топтыгин и Лев Толстой»
повествует о том, как иногда неожиданным образом приходит творчество
великого писателя в жизнь нашего современника. Кто-то из обратившихся
к этому рассказу обязательно подумает над тем, насколько полезно в этой
жизни иметь привычку не только «к железу», но и к книге.

Григорий Медведев «Беспалов, Топтыгин и Лев Толстой»
(в сокращении)

Осмотрщик Беспалов и водитель Ёлкин на вездеходе районного
энергоуправления делали контрольный объезд высоковольтной линии
электропередач. Место было глухое и пересечённое. Кругом сопки, тайга.
Сбились с дороги. Водитель и говорит:

– Сходи-ка, Беспалов, погляди, как лучше проехать.

Тот пошёл. Повернул за сопку, чтобы осмотреть лощину. Под ногами
густая, сплетённая сеткой трава с маслянистым отблеском. Названия травы
он не знал, зато кустики черники с ещё недозревшей ягодой узнал сразу.

Беспалов осмотрелся. По вершине сопки чинно взад и вперёд
прохаживался кулик. Кругом было так тихо, что сбивчивое урчание мотора

вездехода за поворотом слышалось довольно отчётливо, словно машина стояла рядом.

Из-за огромного валуна вышел большой бурый медведь, и они столкнулись нос к носу. От неожиданности медведь вспрянул на задние лапы и негромко угрожающе зарычал. Беспалов в первое мгновение обомлел. Бежать ему казалось бесполезным. На память вдруг пришёл рассказ Льва Толстого из «Родной речи». Там два товарища встретили в лесу медведя. Один испугался и влез на дерево, а другой упал, притворившись мёртвым. Медведь понюхал его и пошёл прочь. Мысль показалась настолько счастливой, что осмотрщик, не раздумывая, плюхнулся перед медведем, вцепился судорожно в густую сетку неизвестной ему, очень крепкой травы и замер.

Медведь стал обнюхивать его. Беспалов ощутил упругие струи воздуха из медвежьих ноздрей и подумал: «Как из шланга...»

Струи быстро проходили сверху вниз по спине и сильно щекотали. Беспалов радостно думал, что метод графа Толстого действует безотказно...

Медведь просунул лапу и несильно потянул, пытаясь перевернуть человека на спину. Острые когти, не проколов брезентовую робу, больно надавили. Осмотрщик крепче прижался к земле. Сетчатая трава держала. Медведь стал обнюхивать голову. Из пасти его несло смрадом. Затем медведь энергично лизнул от шеи к затылку. Беспалову стало больно, будто волосы выдрали. Несколько раз медведь сильно лизнул ухо и откусил его. Высоко вскидывая голову и широко открывая пасть, ел ухо, как собака муху, очень похоже.

Беспалов ошалело подумал:

«Съел ухо... Вот тебе на...»

Он вскочил и заорал благим матом. Медведь испуганно вспрянул на задние лапы и зарычал. Беспалов бросился бежать к вездеходу, неистово вопя и уже не думая, что медведь догонит его. Медведь же бежал за ним довольно быстро, но не галопом, вполне, видимо, уверенный, что догонит. Водитель

увидел бегущего товарища и рванул вездеход навстречу. Медведь ушёл в березняк...

Потерявший ухо Беспалов плакал и говорил, что так глупо, видно, один он на свете ухо потерял.

Водитель Ёлкин поначалу растерянno засуетился. Был он долговязый, с низким, каким-то вислым расплюснутым задом. Шея длинная, а голова маленькая, белобрысая. От вида крови бледные его голубые глаза ещё больше побледнели и стали вроде плоскими.

– Давай пакет скорее! Чё вылупился?! – заорал Беспалов. – Из-за тебя ухо потерял.

И снова завыл.

– Ухо, гадство, откусил! Сучий зверь!..

Ёлкин наконец пришёл в себя и, бинтуя Беспалову голову, сказал:

– Скажи спасибо, что кишки не выпотрошил...

Он с ужасом подумал, что, если бы сам пошёл смотреть дорогу... Глаза у него потемнели, стали глубже и в них вдруг вспыхнули искорки.

– Был ты, Вася, Беспалов, теперь и Безухов стал... – Он не удержался и хихикнул.

– Я тебе дам «Безухов»!.. – пригрозил ему осмотрщик и поднёс к носу Ёлкина красный костистый кулак.

– Ты бы лучше топтыгину по сопатке этим кулаком съездил... – огрызнулся Ёлкин.

– Гусак ты, вот кто!.. Быстро развёртывайся – и в медсанчасть!.. Назад, по следу.

Беспалов, огромный угловатый, атлетического сложения, ощущал в себе необычайный прилив злости и сил. Всего его, казалось, распирало, и он подумал: подвернись сейчас косолапый, он бы удавил гада собственными голыми руками <...>

Наконец он собрался с духом и позвонил.

Жена открыла и отпрянула.

– Что с тобой, Вася?

– Да тише ты! Не выступай на всю ивановскую.

Жена, сильно бледная, прошла за ним в комнату. Сам же он, глядя на неё, будто заново испугался и сказал как-то виновато: Ничего особенного... Уха нет.

– Какого уха?! – воскликнула жена, широко открыв глаза. Краска бросилась ей в лицо, отчего её светлые волосы стали казаться ещё светлее.

– Какого... Моего. Правого <...>

Затем будто неожиданно что-то такое поняла и вновь запричитала:

– Да кто ж тебя, кабана, угроиздил плюхаться перед ведмедем?! А?! Да бежать надо же было!.. Ноги в руки, и скачками, а ты, урод, ухо подставил! На, мишка, лопаи!.. Чтoб ты провалился, остолоп несчастный! Как я теперь с тобой, безухим, ходить-то буду?!..

– Так вот и будешь...

– А? Чтo?.. Да кто ж тебя, дурака, надуумил плюхаться перед ведмедем?!..

– Граф Толстой.

– Чтo-о-о?!

– Вот тебе и что...

Она неожиданно быстро успокоилась и спросила с издевкой в голосе:

– Это какой же, интересно, Толстой?.. Да ты его в жисть не читал, охломон несчастный!.. У нас его отродясь в доме не было... Беспалов сидел и, часто моргая, смотрел на жену. Он думал со смущением, что и правда, кроме той запомнившейся сказки из «Родной речи», он Толстого вовсе не читал и что как-то это всё глупо вышло. И что с женой делать – не знал. А она вдруг снова заплакала, на этот раз тихо, села рядом и прижалась к нему.

– Я тебя, дурака, и такого, безухого, любить буду-у... Миленький ты мой ведмедь... Да ты вон какой бугай, сломал бы ему башку, этому ведмедю-у...

– Сломаешь, поди... –

– Больно?

– Да так... Слегка... – соврал Беспалов.

Она утёрлась рукавом и сказала:

– Посиди маненечко, я к соседке схожу...

Через десять минут она вернулась, неся в охапке двенадцать томов сочинений графа Толстого.

– А ну-ка, давай поглядим, где энтот твой рассказец. Хочу сама своими глазами прочесть.

Они стали смотреть содержание, но ни в одном томе этой истории про двух товарищей так и не нашли. Потом Беспалов взял томик, повертел в руках – загрубелых, привыкших к железу и совсем не привыкших к книге – и ощутил тёплую волну смущения перед самим собой и уважения к этому писателю, маленький рассказец которого, читанный ещё в детстве, удивил его на всю жизнь.

«Сколько накатал... Надо же!» – подумал он и открыл книгу.

– «Детство», – прочитал вслух. – Ладно, слышь, Маша, ты не относи. Почитаем всё же, а?..

А. П. Чехов

Даёт возможность поразмышлять над тем, кем был, кем виделся молодому поколению писателей рубежа XIX–XX веков А. П. Чехов, стихотворение **Саши Чёрного «Простые слова»** (1910). Принципиально важным будет вопрос и о том, насколько изменилось отношение к Чехову, его понимание в первой половине XXI века.

Саша Чёрный «Простые слова (Памяти Чехова)»

В наши дни трехмесячных успехов
И развязных гениев пера
Ты один тревожно-мудрый Чехов
Повторяешь скорбное: «Пора!».

Сам не веришь, но зовёшь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И с беспомощной усмешкой тихо судишь
Оскорбивших землю и Отца.
Вот ты жил меж нами, нежный, ясный,
Бесконечно ясный и простой –
Видел мир наш хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой...
И ушёл! Но нам больней и хуже:
Много книг, о слишком много книг!
С каждым днём проклятый круг всё уже
И не сбросить «чеховских» вериг...
Ты хоть мог, вскрывая торопливо
Гнойники, – смеяться, плакать, мстить, –
Но теперь всё вскрыто. Как тоскливо
Видеть, знать, не ждать и, молча, гнить!

Обращение к литературе, посвящённой жизненному и творческому пути, образу А. П. Чехова, целесообразно начинать с очерка **Максима Горького «А. П. Чехов»**. Из этого очерка школьники узнают о том, каким был писатель в быту, как умел заботиться о совершенно посторонних ему людях, устраивая, к примеру, санаторий для больных сельских учителей. Не менее интересным является и то, как представлял себе А. П. Чехов, что необходимо сделать для обустройства России, особенно в плане образования народа, без которого, по его мнению, «государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожжённого кирпича». Есть своё обаяние в рассказах М. Горького о том, как вёл себя Чехов в отношениях с ним самим, со Львом Толстым, со своими близкими и читателями.

Рассказ **Валериана Захаржевского «Доктор Чехов»** – это уже художественное повествование, авторская версия того, как жил, как

относился к окружающим, как спасал окружающие его дом в Мелихово окрестности от холеры...

«Немемуарный» взгляд на Чехова, показанного в особых отношениях писателя к любимому человеку, с тонким лиризмом и деликатной осторожностью делится с читателем Инна Гофф своим «маленьким, но драгоценным открытием» в рассказе **«Цветы девицы Флоры»** (1965).

Гофф Инна Анатольевна «ЦВЕТЫ ДЕВИЦЫ ФЛОРЫ»
(рассказ-исследования)

Горький, Щепкина-Куперник, Станиславский... Мы читаем мемуары и видим Чехова, каким он предстал глазам своих современников – друзей и родных. Но мемуары – по своему существу жанр субъективный. Между нами и Чеховым стоит неперенный посредник – автор воспоминаний.

Короленко, Авилова, Иван Щеглов...

Листаю страницы – и вдруг в перекрещенном свете воспоминаний двух разных лиц об одном и том же отчётливо и близко вижу самого Антона Павловича, как бы раздвинувшего завесу мемуарного далёка...

Случилось маленькое, но драгоценное открытие, которым я и хочу поделиться. Он лежал в клинике профессора Остроумова, в одиночной палате на втором этаже. За окнами серенький, как воробышек, московский март, голые ветки тополей. Говорят, река уже тронулась.

Какая нелепость! Приехать в Москву, назначить свидание женщине и оказаться в клинике... Ему было так плохо, когда кровь пошла горлом, что в первые минуты он забыл обо всём. Забыл о том, что просил её прийти в гостиницу. Он уже тогда чувствовал себя нехорошо, иначе не решился бы сделать ей такое предложение. И теперь, лежа в палате и глядя на голые ветки за окном, он думал: «Пришла бы она?» А зашифрованная надпись на брелке, подаренном ему: «Если тебе понадобится моя жизнь, приди и возьми её»? Что надпись? Слова. Слова, изображённые графически, и только...

Можно ли верить словам?

Она написала ему в Мелихово, что приедет в Москву в конце марта. Они условились о встрече. Он хотел увидеть её. Он часто думал о ней, вспоминал пушистую тяжесть ее золотой косы, которую ощутил в своей руке в первый день знакомства. Он никогда не видел таких кос. Мог ли он подумать, что она замужем, что у неё ребёнок...

«Девушка Флора» – так шутя представил её хозяин дома, муж её старшей сестры. Она была молода, румяна, очень стройна. Оказалось, что она пишет рассказы. Ему нравились женщины, которые умели учить детей, писать рассказы, играть в театре. Она присылала свои рассказы ему. Он отвечал доброжелательно, иногда раздражался и тогда писал язвительно: «То, что есть Дуня, должно быть мужчиною. Сделайте Дуню офицером, что ли...». Она обижалась. И он утешал её: «Уступаю, оставьте Дуню, но утрите ей слёзы и велите попудриться».

Они встречались редко, порой случайно – в театре, на юбилее. Он всегда угадывал: сейчас, через минуту, он увидит её, она где-то здесь, рядом... И она действительно появлялась. Встречи волновали. И было странное чувство: как будто они были близки когда-то, в какой-то другой жизни, и вновь нашли друг друга после долгой разлуки. Он сказал ей об этом. И они принялись фантазировать. Они были молоды. И любили друг друга. И погибли при кораблекрушении. «Мне даже что-то вспоминается», – сказала она смеясь.

Ей было тогда двадцать семь лет, ему – тридцать два года. Прошло пять лет. Переписка, случайные встречи, размолвки, недомолвки.

Он всё ещё не знает, кто она ему и кем могла бы для него стать.

Эта встреча должна была всё решить...

И вот он в клинике и даже не знает, получила ли она его записку, которую он послал ей из гостиницы с посыльным, «красной шапкой».

Пришла бы она?

Большая галка опускается на ветку тополя. Ветка долго раскачивается под ней. Должно быть, птице это приятно.

Его мир ограничен двумя окнами и деревьями – топодем и липой. На тополе уже позеленела кора, набухли почки. На пасху выглянут первые листья, зелёные и клейкие, потом землю усыпят красноватые, похожие на гусениц серёжки, полетит белый пух... Липа ещё не пробудилась. Пробудится ли она? Весной умирают старые деревья. Идёшь по аллее, и вдруг мёртвое дерево. Так было с той старой березой в Мелихове.

Осенью она сбросила в последний раз свою золотую листву и вскоре застыла по колено в снегу, ничем не отличаясь от своих подруг, соседних берёз. И только весной, когда ожили и зашумели деревья, все увидели, что берёза мертва и ни первый гром, ни голоса птиц не в силах её разбудить.

Голова кружилась, и он закрыл глаза. Как он слаб! Не верится, что всего несколько дней, как он приехал в Москву из Мелихова. Сейчас ему трудно пошевелить рукой, поднять голову с подушки.

Он лежал с закрытыми глазами и потерял счёт времени. Внезапно он очнулся от ощущения радости. Он это запомнил отчётливо. Он не мог перепутать. Всё было именно в такой последовательности – сначала ощущение радости, а потом слова: «Антон Павлович! К вам пришли».

Её не хотели впустить. Он настоял.

«Он лежал на спине, повернув лицо к двери», – вспоминала она потом.

«Как вы добры», – тихо сказал он.

Она села на стул около его кровати, взяла с тумбочки часы, – ей разрешили побыть около него три минуты. Он отнял часы и, задержав её руку, спросил: «Скажите: вы пришли бы?»

«К вам? Но я была, дорогой мой...»

Она могла ничего больше не говорить. Могла уйти, не ожидая, пока пройдут отведенные для них минуты свидания.

Он был счастлив. И знал, что это счастье будет с ним и после, когда она уйдёт и он останется один. «Но я была, дорогой мой...»

Её голос, взгляд её серых глаз, устремлённых ему в лицо с тревогой и нежностью. Она была всё так же хороша. Её красота стала как-то

значительней с годами. Слабый запах духов, смешанный с мартовской свежестью, наполнил комнату.

Он держал её руку. «Так завтра непременно приходите опять. Я буду ждать. Придёте?»

Она обещала. Ему хотелось озорничать. «Вы похожи на гастролёршу!» – крикнул он ей вслед.

Она ушла, а он думал о ней, вспоминал их немногие встречи. В театре, когда она убежала, не досмотрев пьесы, не позволив ему проводить себя, и на его просьбу поговорить, встретиться – «это необходимо» – засмеялась как-то зло и мстительно. Она сердилась на него: он не ответил на посланный ею брелок. Но как ответить, если тебе предлагают жизнь – «приди и возьми её». Благодарить? Смешно.

Нет, тут можно только одно – отдать свою жизнь взамен. «А в общем, – подумал он тогда, – это годится для пьесы...»

Вспоминал её в маскараде, в костюме домино, который был ей коротковат. Она говорила ему «ты», как это диктует закон маскарада. Они пили шампанское в пустой ложе, и она призналась, что любила его. Слова лились свободно, легко. Слишком легко. Ему казалось, что она играет, – на женщин так действует эта смесь таинственности и откровенности, этот блеск, огни и, главное, музыка, музыка...

Он всегда боялся громких слов. Особенно в любви. Он считал, что любовь должна выражать себя как-то иначе. Может быть, молчанием. И он сказал, что она артистка, что он знает её в драматических ролях. Он так долго и упорно дразнил её, что она почти поверила, будто он обознался. Он повторял: «Я не знаю тебя, маска». И она не поняла прямого и ясного смысла его слов: «Я не знаю, что ты за человек. Могу ли я верить тебе? Правда ли, что ты любила меня? Или ещё любишь?» Она добивалась: за кого он принимает её? Не за Яворскую ли?..

Да, она часто не понимала его или, казалось ему, не хотела понимать из какого-то женского упрямства.

Он лежал в одиночной палате, на спине, закрыв глаза, и как будто вслушивался в еще звучащий для него негромкий голос: «Но я была, дорогой мой». Так мог сказать только очень близкий, очень родной человек. Жена.

Он был возбуждён. Его лихорадило. Ночью часто просыпался, и с каждым разом всё светлей проступали высокие, разграфлённые переплётками окна, всё чётче видны были деревья.

Рассвет был розовый, ослепительно яркий после долгих пасмурных дней. Солнце залило палату, жарко горели стёкла, блестели влажные ветки тополя. Где-то рядом, видимо, на карнизе, чирикали воробьи, радуясь теплу. К полудню солнце ушло из палаты, но во всю силу сияло за окнами, золотило стволы.

Он попросил зеркальце – хотел причесаться, но сестра сама причесала его, сказав, что доктор запретил ему шевелиться.

– Какие мягкие волосы! – сказала сестра. – Сразу видно: добрый человек.

Они, и правда, были у него мягкие, тонкие. Распадались, образуя пробор.

Он поймал зеркальцем солнечного зайчика и пустил его по стене, по потолку.

– Ну, ну, забавляйтесь, – сказала сестра. – Это вам можно.

«Зайчик», живая капля солнца, прыгал по стене, забирался на потолок, исчезал и вновь появлялся. Неужели отныне вся жизнь будет определена словами: «Это вам нельзя», «Это вам можно»?

Он смотрел на часы. Без четверти два. В два она обещала быть. Вот уже два без пяти. Два и одна минута. И ещё пять минут...

Она пришла, опоздав на семь минут, и он упрекнул её в неточности. «Я ждал, ждал...»

Она принесла цветы, его любимые – ландыши и розы. Цветы в марте! Розы были ещё в бутонах, ландыши только разворачивали свои зеленоватые

бубенцы. Сестра поставила их в вазочку с водой. У неё был недовольный вид: душистые цветы в палате легочного больного?

Они остались вдвоём. Он невнимательно проглядел рукописи, которые она принесла по его просьбе. Ему жаль было отрывать время недолгого их свидания. Сейчас она была для него всем: голубизной и щебетом птиц, обещанием жизни, его надеждой...

Спустя годы она вспоминала:

«– Когда вы едете? – спросил он.

– Сегодня.

– Нет! Оставайтесь ещё на день. Придите ко мне завтра, прошу вас.

Я прошу!»

Она показала ему телеграммы. Все три. Её ждали дома, в Петербурге. Телеграммы были нервные. В их настойчивости сквозило нетерпение, каприз.

Когда она ушла, он думал: зачем она показала мне телеграммы? Чтобы оправдать свой отъезд? Доказать лишний раз, как её любят и ждут там, как она там необходима?..

Она боролась с собой. Она произнесла «не могу» почти шепотом, не глядя ему в глаза. А ведь он просил об одном дне! Только об одном!

Что ж, он оказался прав. Громкие фразы годятся больше для пьесы, чем для живой жизни.

Она ушла, и двери тихо захлопнулись за ней. Остались цветы в вазочке. Свежо пахли ландыши, распускались розы. Было грустно на душе. Что-то кончилось в его жизни. Он знал, что больше никогда не назначит ей свидания и та, несостоявшаяся встреча в Большой Московской никогда не состоится. Границы ее чувства к нему определились беспощадно и отчётливо.

Цветы стояли долго. Розы распустились все до одной. Сначала сестра аккуратно меняла цветам воду, а потом он сам, когда ему разрешили вставать. Десять дней спустя, когда его приятель драматург Иван Щеглов пришёл проведать его, цветы были ещё хороши.

Впоследствии Жан – так называл он в шутку Щеглова – напишет в своих воспоминаниях:

«– А это у вас от кого? – кивнул я на букет, украшавший больничный столик. – Наверное, какая-нибудь московская поклонница?

– И не угадали: не поклонница, а поклонник... Да ещё вдобавок московский богатей, миллионер.

Чехов помолчал и горько усмехнулся:

– Небось и букет преподнёс, и целый короб всяких комплиментов, а попроси у этого самого поклонника “десятку” взаймы – ведь не даст! Будто не знаю я их... этих поклонников!..

Мы оба помолчали.

– А знаете ли, кто у меня вчера здесь был? – неожиданно вставил Чехов. – Вот сидел на этом самом месте, где вы теперь сидите.

– Не догадываюсь.

– Лев Толстой!»

На самом деле Лев Николаевич был здесь уже давно, больше недели тому назад.

Заговорили о Толстом, о поездке на кумыс. Антон Павлович проводил Щеглова по больничному коридору, до дверей. Возвращаясь в палату, думал: «Славный он малый, Жанчик. Но зачем он пишет пьесы? Писал бы рассказы. Впрочем, пьесы – штука менее тонкая, а Жанчик в тонкостях не мастак».

Как-то Жан сделал замечание по поводу «Степи», того места, где мальчик Егорушка вспоминает покойную бабушку: «До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики...». «До своей смерти она была жива...». Жан был очень горд, что отыскал эту «стилистическую небрежность». Не хотелось спорить, говорить об особенностях детского восприятия. Проще сделать вид, что согласился. Кажется, Жан и теперь поверил, что цветы преподнёс миллионер...

Он вспомнил свой экспромт в защиту её цветов и усмехнулся. Почему он придумал миллионера? Но разве не была она миллионером в тот день?..

Он чувствовал себя лучше. Ему разрешили гулять, и он ходил в Новодевичий монастырь, бродил по аллеям, среди могил, вдоль красных кирпичных стен, слушал пение птиц. Иногда останавливался и, задрав голову, смотрел на зелёный пух листвы, на горящие на солнце золотые купола.

Улыбался и хмурился...

В конце апреля он был уже у себя в Мелихове. Он написал рассказ «О любви», задуманный ещё в Москве во время прогулок.

Она узнала себя в героине и прислала ему письмо, резкое и несправедливое:

«Писатель, как пчела, берёт мед откуда придётся...».

Он читал письмо с удивлением. Ещё не утихла боль. Он писал для неё. Она не поняла, не отозвалась на слова признания:

«Я чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга...».

Он ответил сухо. Письмо начал без обращения. Он писал, что поедет в Крым, потом на Кавказ. «Значит, в Петербург не попаду». И, в ответ на её упрек, о цветах и пчёлах:

«Вы несправедливо судите о пчёлах. Пчела сначала видит яркие, красивые цветы, а потом уже берёт мёд. Что же касается всего прочего – равнодушия, скуки, того, что талантливые люди живут и любят только в сфере своих образов и фантазий, – могу сказать одно: чужая душа потёмки. Погода скверная. Холодно, сыро...».

Будьте здоровы и счастливы».

Спустя два года появился в печати рассказ «Дама с собачкой» – один из лучших в мире рассказов о любви.

Свидания в гостинице, посыльный – «красная шапка», бегство из театра посреди спектакля. И опять – «они любили друг друга как очень близкие, родные люди...».

И женщина – молодая и не защищённая рассудком, не избежавшая трудной любви, любви, где страдание и счастье так перемешаны, что нельзя понять, где кончается одно и начинается другое.

Это был рассказ о том, чего не было и что могло быть между ними. Но она должна была быть другой.

И он написал её, другую.

О такой женщине он мечтал, на такую любовь – сильную и горькую – был готов душой.

Лидия Алексеевна Авилова прочитала рассказ и в этой другой женщине себя не узнала.

11 класс

Я счастлив тем, что видел их и знал,
Дружил с одними, у других учился.
Заманчива их жизни крутизна.
Запомним годы, месяцы и числа.
Пусть память на подробности скупа,
Тем увлекательней и интересней
Исканий неторёная тропа,
Задумка ныне знаменитой песни,
И обстановка, и семейный круг,
И, может быть, случайные детали,
И теплота, и мягкость слабых рук,
Что в памятниках бронзовыми стали.
Себя я не приравниваю к ним –
Мой путь и неширок, и недосказан,
Но памяти запасом золотым
Я поделиться с юными обязан.

Евгений Долматовский

Программа по внеклассному чтению для 11 класса может быть образно названа «Памяти запас». Эти слова взяты из стихотворения Е. Долматовского, которым открывается данный раздел. Именно запас памяти писателей, поэтов, их родственников и близких, общественных деятелей – современников делает Максима Горького, Александра Блока, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Николая Гумилёва, Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Михаила Шолохова, Александра Твардовского, Семёна Гудзенко и других живыми героями этой программы.

В самые разные моменты своей жизни предстают они перед читателем в различных, подчас даже трагических ситуациях, в общении со многими людьми. Иногда – это лишь мимолётные короткие встречи, но тем не менее оставившие неизгладимые впечатления, иногда – история долгой и крепкой дружбы, творческих связей между теми, кого мы называем авторами, включёнными в эту программу, и теми, кто стал её героями.

Для того чтобы узнать писателя, нужно прежде всего обратиться к его сочинениям, соприкоснуться с художником через созданное им. А воспоминания современников во многом помогут этому.

Отбирая материал для программы (он ведь может быть не обязательно только тот, который рекомендуется нами), необходимо исходить из того, чтобы люди, которых учащийся уже знает или ещё узнает как авторов удивительных книг, предстали перед ним воистину живыми людьми: со своими судьбами, характерами, сложностями и противоречиями.

Многосторонние и разнообразные связи со своими современниками составляют одну из самых ярких особенностей биографии практически каждого большого художника слова. Доказательством тому является жизнь Максима Горького – писателя, человека большой души, борца, учителя молодых литературных сил Страны Советов. Среди тех, кто оставил свои воспоминания о Горьком, – простые рабочие, профессиональные революционеры, писатели, художники, композиторы, общественные и государственные деятели... В программе может быть представлена лишь

малая часть этих воспоминаний. Но и в них можно увидеть молодого Горького, имя которого совсем недавно зазвучало на устах передовой России начала XX века, но который уже сам заботится о начинающих литераторах.

Принципиально важно увидеть и Горького – организатора, собирателя творческих литературных сил нового времени.

Невероятно интересным, подчас неожиданным предстаёт Александр Блок в воспоминаниях современников. Есть в его образе и что-то таинственное, не понятное окружающим – сложен и непрост внутренний мир поэта, ищущего смысл и своей жизни, и происходящих грандиозных событий в мире. Но, может быть, самые волнующие страницы этих воспоминаний те, которые повествуют о встрече двух поэтов – Александра Блока и Сергея Есенина.

Отбирая мемуарный материал для программы по внеклассному чтению для 11 класса, необходимо исходить также из того, чтобы за строками мемуаров, посвящённых непосредственно тому или иному автору, была видна литературная эпоха – интересная, сложная, неповторимая. И она, эта эпоха, живёт в воспоминаниях Юрия Либединского и Вадима Сафонова о Есенине, Корнея Чуковского и Льва Кассиля о Маяковском.

В книге Льва Кассиля «Маяковский сам» оживают страницы нашей литературной истории с её славными именами и противоречиями, борьбой и бурными литературными вечерами, главным героем которых показан Маяковский и его неистовая, беспокойная поэзия.

Особо интересными и познавательными являются страницы воспоминаний, которые рассказывают о том, как возникала «задумка ныне знаменитой песни». О рождении замысла поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин» можно узнать из воспоминаний Цезаря Солодаря. Это увлекательный рассказ об истоках того, что сегодня в истории русской литературы называется народным характером. Автор воспоминаний показывает, как из различных жизненных и творческих источников собирался, выкристаллизовывался образ защитника Родины в великой и трагической войне против фашизма.

Воспоминания Евгения Долматовского воспроизводят то, какие невероятные, но тем не менее очень близкие к истине легенды окружали имя Михаила Светлова.

В стихотворении Е. Долматовского, процитированном в начале раздела, есть признание: «Я счастлив тем, что видел их и знал...». Вместе с другими авторами воспоминаний поэт поделился этим чувством с читателем. Одной из задач программы является стремление к тому, чтобы встреча старшеклассников с героями мемуарной литературы о писателях XX века стала для них тоже счастливой встречей.

В данном разделе мы посчитали целесообразным обойтись без пространного цитирования используемых материалов, а ограничиться только списком возможных мемуарных источников.

Максим Горький

Три встречи. *Самуил Маршак.*

Горький. *Корней Чуковский.*

Максим Горький. *Константин Паустовский.*

Александр Александрович Блок

Воспоминания о Блоке. *Клара Арсеньева.*

Встречи с Александром Блоком. *Самуил Алянский.*

Александр Блок. *Константин Паустовский.*

Из книги «Страницы жизни». *Всеволод Рождественский.*

Николай Степанович Гумилёв

На берегах Невы. *Ирина Одоевцева.*

Николай Гумилёв. *Николай Чуковский.*

Анна Андреевна Ахматова

Записки об Анне Ахматовой. *Лидия Чуковская.*

Осип Эмильевич Мандельштам

Листки из дневника «О Мандельштаме». *Анна Ахматова.*

Сергей Александрович Есенин

А. Блок и С. Есенин. *Михаил Мурашов.*

Мои встречи с Есениным. *Юрий Лебединский.*

Воспоминания. *Шаганэ Тальян.*

«В последний раз...». *Вадим Сафонов.*

Владимир Владимирович Маяковский

Маяковский. *Корней Чуковский.*

Маяковский – сам. *Лев Кассиль.*

Михаил Александрович Шолохов

Цвет лазоревый. *Виталий Закруткин.*

Глашатай мира. *Михаил Котов.*

Александр Трифонович Твардовский

Он и наш, белорусский. *Петрусь Бровка.*

В те дни, когда родился «Тёркин». *Цезарь Солодарь.*

«Идёт война народная...»

Михаил Светлов

Легенда о Светлове. *Евгений Долматовский.*

Семён Гудзенко

Поколение. *Василий Субботин.*

Сергей Орлов

Друг. *Василий Субботин.*

Заключение

Ситуация с тем, как и что сегодня читает подрастающее поколение, не может не вызывать тревоги. И не потому, что плохо усваивается школьная программа по литературе, не прочитывается корпус текстов, предусмотренный этой программой. Это, конечно, беда, но ещё не самая страшная. Намного страшнее то, что человек не читающий – это безъязыкий, которого в такой последовательности можно определить как неспособного думать, фантазировать, изобретать. И в таком виде проблема может стать по-настоящему национальным бедствием.

Не способные думать – это те, кто не сможет придумать новые компьютерные программы или автомобили, он будет пользоваться тем, что кто-то уже изобрёл, или создавать такие, которые в народе называют «ведром с гайками». Не способные мыслить – это те, кто слушает и подпевает тому, что «я готова к любви везде, я готова и тут и там», не понимая, что написавший и исполняющий это, признаются в какой-то патологии, вполне приемлемой в стаде, но не среди людей...

Воспрепятствовать тому, чтобы случилось нечитающее общество, можно. Об этом свидетельствует опыт учителей, работников библиотек, организаторов досуга взрослых и детей. Наша книга в этом плане всего лишь небольшой локальный опыт формирования потребности в чтении, воспитания устойчивого интереса к познанию посредством книги. И такой опыт может оказаться полезным для всех, кто заинтересован в том, чтобы преодолеть сложившуюся тенденцию потери интереса к чтению.

Монография

Семёнов Александр Николаевич

**О ЧТЕНИИ,
с пристрастием и без...**

Подписано в печать 14.12.2018.
Тираж 130 экз. Заказ № 1558.

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Тел.: (3467)334-991, e-mail: pmhm@bk.ru